

A surreal underwater scene. A woman in a white dress with colorful polka dots is the central figure, looking upwards. She is surrounded by bubbles and light rays. In the background, a dark leather sofa and a white folding chair are partially submerged. A handgun lies on the tiled floor in the foreground. A red circular sticker is in the top right corner.

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ГИБЕЛЬНЫЙ ГОЛОС СИРЕНА

Ольга Геннадьевна Володарская

Гибельный голос сирены

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8106641

Гибельный голос сирены : роман / Ольга Володарская: Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-73589-1

Аннотация

Она была звездой радио. Загадочная Мэри Крисмас колдовским голосом сводила мужчин с ума. Ни один из ее поклонников не догадывался, что дива эфире в жизни невзрачная женщина с неустроенной личной жизнью. Никто не знал ее в лицо! Но...

На Мэри устроили покушение, когда она возвращалась с работы! В нее стреляли, причем из того же пистолета недавно убили ее фаната. Им оказался странный мужчина, дизайнер, добровольно заточивший себя в своей мастерской, там же и погибший...

Неужели кто-то из армии почитателей Мэри сумасшедший, составивший понятный ему одному план? Не тот ли это человек, что звонил каждую ночь в студию и писал ей любовные СМС, подписываясь просто «ТВОЙ»?..

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	70
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ольга Володарская

Гибельный голос сирены

© Володарская О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Глава 1

В комнате оказалось темно. Но не настолько, чтобы не видеть, в каком направлении двигаться. Единственное окно было не задернуто шторами, и в комнату попадало немного света уличного фонаря. Левон, обойдя перевернутый стол, прошел к торшеру, стоящему в углу, и щелкнул кнопкой выключателя. Стало светло.

Помещение было большое, но крайне неудобное. Низкий потолок, выкрашенные темно-синей краской стены, истертый линолеум. Из мебели – стол, ныне валяющийся, и кресло с драной обивкой. В углу стоит огромная газовая плита. Остальное пространство заставлено грубо склоченными стеллажами. На их полках разноцветные фигурки. Зайчики, котята, мишки; груши, яблочки, ананасы; нимфы, клоуны, ангелы. Вещей в комнате было довольно много, но царили в ней не они, а... запах!

– Чем тут так воняет? – пробурчал коллега Левона, Леха Колобов, зажав нос пальцами.

– Не воняет, а пахнет, – поправил его Левон. – И между прочим, довольно приятно...

– Фу! – Леха присел на корточки возле перевернутого сто-

ла и стал рассматривать застывшую желтоватую лужу. – Не этим ли?

– Так ты понюхай.

– Давай ты. А то меня сейчас вырвет...

– Какие мы нежные! – Левон опустился рядом с Лехой, поддел массу ногтем и поднес к носу. – Кокосом пахнет.

– Точно! Ненавижу «Баунти».

– Вообще-то тут много других запахов витает. Не чувствуешь? Мята, фрукты, миндаль... – Левон повел своим крупным армянским носом. – Кофе, сандал, барбарис...

– Ты выбрал не ту профессию, Лева. Тебе надо было идти в парфюмеры, а не в полицию. – Леха приоткрыл одну ноздрю. – А кровью, что странно, не пахнет совсем. Хотя ею тут все залито...

– Ароматы перебивают.

Левон поднялся и направился по кровавому следу к плите. Он тянулся от нее к двери. Человек, чей труп сейчас осматривал криминалист, получил две пули в живот, когда колдовал над своим кокосовым варевом. Судя по всему, он изготовил его, выключил газ, снял кастрюлю с плиты, развернулся, собираясь поставить ее на стол, а затем разлить по формам, когда в него выстрелили. Дважды (хотя гильзу почему-то нашли лишь одну)! Пули попали ему в брюшину. Человек выронил кастрюлю, схватился за живот и, падая, опрокинул стол. Но он смог устоять на ногах и даже сделать несколько шагов к двери. Достигнув ее, он схватился за ко-

сяк – на нем остались кровавые следы – и рухнул на пол.

– Что скажешь, Василич? – крикнул Левон, обернувшись. Он обращался к криминалисту. Только устроившись в полицию, в то время милицию, оперуполномоченным, Левон думал, что Василич это отчество. На самом деле оказалось – фамилия. Звали Василича Григорием. А отчество он имел совершенно потрясающее – Македонович.

– Пока ничего нового, – ответил тот, стянув с рук резиновые перчатки. – Умер от полученных огнестрельных ранений. Но не сразу. Помучился минут десять. Пытался встать. Тянулся к телефону. Сил не хватило, впал в беспамятство, после чего скончался.

– Сильный мужик. Другой бы с такими ранами и шагу не сделал.

– Да. Крепкий. И молодой. Сорока нет... – Для пожилого Василича все, кто моложе пятидесяти, были молодыми.

– Тридцать шесть, – подал голос Леха. – Я документ нашел! – Он показал паспорт. – Не женат. И не был. Зовут Валентином. Фамилия крайне редкая... – И со смешком озвучил: – Петров.

– Прописан здесь?

– Да.

– Надо же... Я думал, это только мастерская. А он свой дом в мыловарню превратил.

Квартира была двухкомнатной. Последний этаж трехэтажного дома барачного типа из рыжего кирпича. Ветхое

жилье, давным-давно предназначенное к сносу. И это не на окраине столицы, а близко к центру. Таких хибар сохранилось крайне мало. Через несколько лет вовсе не останется, но пока они имеют место быть. Тот же Леха до недавнего времени жил в подобной, но три года назад ее снесли, и Колобову дали квартиру в новостройке. Его, к слову сказать, это не очень порадовало, так как пришлось из хорошего района переехать... как он говорил, в «задницу Москвы».

– Смотри, тут еще куча визиток! – сообщил Леха, стоявший возле стеллажа, самого близкого к двери. В нем не было фигурок. Только книги и бумаги. – Валентин Петров. Дизайнер. Простые вещи в непростом исполнении. – Он ткнул пальцем в стеллаж с фигурками. – Это он об этом? Что ж... Хорошо сказано. Вроде мыло, но не только. Еще и скульптурка симпатичная. Я б своей жене купил что-то подобное на 8 Марта или День Валентина. Мелочь, а приятная.

– И не дешевая.

– Даааа?

– Мыло, изготовленное на заказ, стоит прилично. А в этом еще натуральные ингредиенты.

– Значит, хорошо зарабатывал наш дизайнер? Пойду посмотрю, пропало ли что.

И Леха удалился в соседнюю комнату. А Левон остался в мастерской и стал осматривать ее более внимательно. Ничего необычного в глаза не бросалось. Немного удивляло отсутствие верхнего освещения – в цоколь даже лампочка не

звернута, и Левон решил, что дизайнеру Петрову ночью лучше творилось при свете торшера, а днем, пусть и пасмурным, он вообще не пользовался осветительными приборами, коль на окнах даже занавесок нет. Что неплохо для следствия. Возможно, кто-то из жильцов дома, стоящего поблизости, что-то видел. Убили Петрова как раз днем. А вечером соседка, возвращаясь с работы, заметила, что дверь незакрыта, заглянула и увидела труп. Позвонила в полицию.

– Бумажник на месте, в нем деньги, – крикнул из соседней комнаты Леха. – Часы тут еще, цепочка. В общем, не грабили его.

– Или взяли что-то конкретное, не размениваясь на мелочи, – предположил Левон.

Недавно он вел дело по убийству одного дедушки. Жил тот в маленькой квартирке, скудно питался. Его умертвили ударом по голове. Деньги остались на месте, как и все более-менее ценные вещи. Решили, что деда из-за квартиры грохнули наследники. Но нет, не было у него их. Оказалось, у деда имелась шикарная коллекция марок, доставшаяся от отца. Ему она была дорога как память, и ценности ее он не знал. Доставал редко, чтоб, подержав в руках, вспомнить детство. Однажды за этим его застал сосед, зашедший за какой-то мелочью. Увидев коллекцию, тот сразу оценил ее – разбирался в марках. Хотел выкупить ее у старика, естественно, по заниженной, но все равно очень приличной цене. Но дед ни в какую. Память – и все тут! За что и попла-

тился жизнью...

– Ой, да чего брать-то у Вальки? – слышалось из прихожей. Это соседка, та самая, что обнаружила труп, протиснулась в дверь. – Все, что зарабатывал, тут же и тратил на материалы для новых работ. Он именно так называл свои изделия – работы. Ладно, хоть не творения! – фыркнула женщина.

– Вы его не очень жаловали, смотрю? – поинтересовался Леха, выйдя в прихожую с простеньким планшетом в руке. Нашел при обыске, видно.

– А его тут никто не жаловал. Устроил мыловарню на дому. Запахи навязчивые, пар, дым. А шуму сколько. Он же и ночью мог варить. Гремел тазами, мебель двигал, а стены у нас не кирпичные, как может показаться, а фанерные – все слышно. Да еще народ к нему постоянно шастал, в дверь подъездную колотил, она у нас на ключ запирается, на домофон не собрали, всем денег жаль.

– Что за народ?

– Покупатели!

– Так он еще и магазин на дому устроил?

– Можно и так сказать. Но желающих купить мыло по цене хороших духов не так много, поэтому потока покупателей не было. Однако за день пара-тройка человек наведывалась. Перед праздниками вообще беда – идут и идут. Я, кстати, в налоговую звонила. Да все руки у них до Вальки не доходили. А участковый, которому я тоже жаловалась, пришел, да

и ушел... унося с собой подарочки.

– Где Петров покупателей находил, не знаете?

– В Интернете, – ответил за соседку Леха. И продемонстрировал экран планшета, на котором отображалось объявление, размещенное Валентином. Все то же про простые вещи в непростом исполнении. – Тут и переписка с потенциальными и постоянными клиентами имеется. Будет над чем поработать.

– Да, у него были постоянные клиенты, – кивнула соседка. – Двоих я запомнила...

– Опишите.

– Одна женщина. Приятная, лет тридцати, с веснушками. А еще мужчина. Высокий, здоровый, бритый... Ну чистый Шрек, только не зеленый. И вот тут... – Она указала на шею. – Тату у него. Иероглиф какой-то. Я его, мужчину этого, сначала, как увидела, испугалась. Думала, бандит. А потом смотрю, глаза добрые. И манеры такие, знаете... Как у джентльмена.

– А манеры свои он когда вам продемонстрировать успел?

– Столкнулась с ним на лестничной площадке. Так он меня вперед пропустил, улыбнулся, чуть ли не поклонился. Приятный очень мужчина. Мне кажется, иностранец.

– Почему вам так кажется?

– Да вид у него какой-то не наш. И говорит он с акцентом. Я слышала...

– Не с французским?

– Да я разве разбираюсь, – пожалала плечами женщина.

Левон вопросительно глянул на коллегу.

– Среди постоянных клиентов Петрова значится Пьер Морель, – пояснил он. – И с ним у покойного сегодня была назначена встреча.

– Вот и первая зацепка, – возбужденно проговорил Левон.

– А вот вторая! – Леха сунул ему в руки планшет. – Видишь это?

Левон пробежал глазами по экрану. Открытый чат на одном из социальных сайтов. Диалог велся между мужчиной и женщиной. Валентином Петровым и некой Мэри Крисмас. Велся он не один день. И даже не недели – месяцы. Правда, вяло. Валентин писал много и часто, а вот ответы получал через раз, а то и два. Левон пробежал глазами по последним сообщениям и понял, что заинтересовало Леху. Валентин пригласил Мэри к себе в гости. Обещал подарок на день рождения. Судя по мигающему тортнику в уголке ее аватарки (не фотографии, а рисованной картинке), он был сегодня.

Сообщение Мэри прочитала, но не ответила на него. В Сети она не была с десяти утра.

Да, пожалуй, это еще одна зацепка.

– Программистам придется попотеть, чтоб выяснить, что это за Мэри такая, – пробормотал Левон. – На странице никакой личной информации. Даже фотография отсутствует.

– Да она им меньше всего нужна. Изучат друзей, пробьют ящик, с которого профайл зарегистрирован, и выдадут тебе

не только адрес по прописке и телефон, но озвучат ее сексуальные пристрастия и размер одежды. Фотки, кстати сказать, ты тоже получишь, да не простые, а в стиле ню.

– А их-то они откуда возьмут? – любопытствовала соседка. И Леха соизволил ей ответить:

– Ой, да многие их делают сейчас. И отправляют любовникам-любовницам. А раз так, они есть в почте.

– А у Вальки любовницы не было! – выпалила она.

– А может, та, с веснушками, не покупательница вовсе? Когда, кстати, вы последний раз ее видели?

– На прошлой неделе. Вечером. И никакая она не любовница, – фыркнула женщина. – Она пробыла у Вальки десять минут всего (я подъезд подметала, так до первого этажа не успела спуститься), ушла с пакетом, воняющим кокосом...

– Тоже не любите этот запах? – встрепенулся Леха.

– Ненавижу! – Она поморщилась. – Стою сейчас, задыхаюсь.

– А я уже принюхался...

– Вы посмотрите, как он жил! В разрухе полной. Ладно, ремонта не делал и мебель не покупал, так проводку провести не мог. У него ни в комнатах, ни в туалете света нет. Только пара розеток функционирует. Разве можно в такой дом девушку привести?

– А если к ней?

– Да он из дома не выходил совсем. Все по Интернету заказывал – от сырья до продуктов.

– Почему? Фобия, что ли, какая?

– Нет. Просто домосед такой. Всегда был. Но раньше приходилось все же ему из берлоги своей вылезать. А теперь, когда все на дом привозят, необходимость в этом отпала.

– Как же он... э... удовлетворял некоторые свои другие потребности?..

– Вы про секс? – пришла ему на помощь соседка. – Так тоже на дом. Девочек вызывал, но редко.

– Про девочек откуда знаете? – поинтересовался Левон.

– Напомнить про стены? – хмыкнула та и перевела взгляд на Леху: с ним она разговаривала охотнее. – Нормальная женщина не будет так охать и стонать. Только девушка по вызову, что свой гонорар отрабатывает. Неубедительно, понимаете? Да и выглядят... – Она махнула рукой. – Шалавы, в общем! Не спутаешь их ни с кем...

Соседке было между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью. По мнению Левона, именно молодые работающие пенсионерки оказывались лучшими свидетельницами. Они проныцательны, наблюдательны и довольно современны. В показаниях минимум эмоций и выдумок. Хотя и без них не обходится, конечно.

– А кто мог желать Валентину смерти, как вы думаете? – спросил Левон.

– Только Павлушка.

– Это кто такой?

– Парень с первого этажа, которому среди ночи приходи-

лось дверь Валькиным клиентам отпирать... – Видя, что ее слушают с серьезным видом, поспешно добавила: – Да шучу я так неудачно! Вы что, буквально мои слова восприняли?

– А в какой квартире Павлушка живет?

– Да не мог он Вальку убить. Чего вы? – перепугалась женщина. – Да, цапался с ним иногда, но мы тут постоянно друг с другом ругаемся. Паршивый у нас подъезд, да и весь дом целиком. Снесли бы уж скорее да нас расселили. Но он крепкий еще, вот и маемся. Половина жильцов пьет, остальная их терпит. И не съедешь никуда. Мы хоть и недалеко от центра, но чуть ли не на заводской территории. Никто сюда не хочет переезжать...

– Да вы не волнуйтесь так, – успокоил свидетельницу Ле-ха. – Мы просто поговорим с Павлушей. Раз он ночами клиентам Петрова дверь открывал, то знает их в лицо.

– А, ну да... Во второй он.

– Спасибо вам за содействие. Если будут вопросы, мы к вам обратимся.

– Я вот еще что забыла рассказать вам. Не знаю, важно это или нет, но вы уж сами решите.

– Слушаю вас.

– Не помню, говорила ли, что Валька на моих глазах вырос. Так вот, когда ему было двадцать два, его чуть не убили.

– Что вы говорите? – заинтересовался Левон, до этого слушавший свидетельницу не очень внимательно.

– Чудом выжил. Голову ему проломил, но Валька выка-

рабкался.

– Кто его так?

– Самое удивительное, что не ясно кто.

– А что вас удивляет? Не всегда удается найти преступников.

– Так его нашли. Марковна, это бабуля с соседнего подъезда, покойная ныне, видела напавшего на Вальку парня. И узнала его. Он к одной девчонке из ближайшего дома навещался. Парня арестовали. Но Валька на опознании заявил, что на него напал совсем другой человек. И стоял на своем все время. В итоге подозреваемого отпустили. Марковна после этого с Валькой разговаривать перестала. Уверена была, что не ошиблась. Пусть она и была тогда уже в очень преклонном возрасте, но в своем уме и не слепая, только плохо видящая. Ухажера соседской девушки мы больше не видели. Не знаю, что с ним случилось. Но я тут подумала, а что, если он через много лет вдруг решил Вальку добить?

– Хорошо, что рассказали. Спасибо. Обязательно поднимем материалы того дела.

– Вы вообще нам очень помогли, – присоединился к нему Леша. – Искреннее мерси.

Женщина с достоинством кивнула и удалилась.

– Чудо, а не свидетель, – цокнул языком Колобов. – Побольше бы таких. Воды – тонкий ручеек. Остальное все по факту.

– Я тоже ее почти полюбил, – улыбнулся Левон.

– Пойду к Павлуше спущусь... – сообщил Леха.

И собрался покинуть квартиру, но в дверях столкнулся с юной девушкой, которая намеревалась просочиться внутрь.

– Мадемуазель, вы куда? – осведомился Леха, преградив барышне путь.

– Что с Вале́й? – взволнованно пискнула та, попытавшись поднырнуть под руку Колобова. Но тот был бдителен!

– А вы ему кто?

– Соседка я... – Она часто-часто заморгала. То ли от растерянности, то ли просто решила, что это безотказно действует на мужчин, потому что в ее представлении стрельба глазами выглядела именно так. Соседка была прехорошенькая. Белокурая, тоненькая, с огромными карими глазищами. Только одета слишком вызывающе и покрашена ярко: кожа покрыта очень светлой пудрой, просто-таки меловой, губы алые, жирные подводки на веках.

– Из какой вы квартиры?

– Из шестой.

– Как зовут?

– Маша.

– О... Твои родители оригиналы! Так дочуру назвать. Или ты по паспорту все же Марина или Маша?

– Зоя, – буркнула девушка и предприняла очередную попытку прорваться в квартиру. – Но я ненавижу свое имя. И друзья мне дали другое...

– Мне кажется, Зоя красивее Маша.

– Ай, ничего вы не понимаете! – отмахнулась Маша. – Так что с Валей?

– Он мертв.

Левон с Лешей ожидали какой угодно реакции, но только не возгласа:

– Да ладно?!

Колобов недоуменно поднял брови. Они были у него ярко-рыжие и кустистые. Как и щетина. А вот волосы на голове – редкие и черные. Многие думали, что он их красит. Подкалывали Леху. Он обижался.

– Правда, что ли, умер? – переспросила девушка.

– Убили...

И она зарыдала. Слезы брызнули и потекли ручьями по лицу, оставляя дорожки. Такие появляются на замерзшем окне, когда температура воздуха повышается и иней подтаивает. Маша убивалась так, будто не сосед умер, а близкий человек...

Или сосед был ей настолько близок?

– А можно на него посмотреть? – выпалила вдруг Маша. И в ее заплаканных глазах засверкал огонек.

– На труп? – уточнил Леха. Он был так же удивлен ее поведением, как и Левон. Но что взять с современных подростков? «Старики» чуть за тридцать перестали их понимать. И если Левон, имеющий младшего брата, относился лояльно к тинейджерам, то Леха считал их потерянным поколением.

– Да!

– Увы... Увезли уже. А зачем вам это?

– Что – это?

– На труп смотреть.

– Да не верится как-то... Я думала, он еще на наших похоронах простудится. Хотя Валька всегда говорил, что умрет молодым. А я не верила...

– Вы тесно общались?

– Да. Я часто к нему приходила. Он хоть и долбанутый, но не злой был. Не гнал меня. Разрешал сидеть в комнате, смотреть, как он мыло варит. Да еще много интересного при этом рассказывал. Не только о мыле, вообще...

– И сколько лет ваша дружба, если ее так назвать можно, длилась?

– Три-четыре года. Точно не помню. У меня родители бухают. Не так чтоб до поросычьего визга, но прилично. Как напьются, меня строить начинают. Поэтому я сбегаю из дома. Все равно, где находиться, только бы не с ними. Даже в подъезде лучше. Сунешь плеер в уши, сядешь на подоконник и слушаешь спокойно музыку, а дома не дадут. И вот как-то Валька выполз из берлоги своей мусор выкинуть (он редко нос казал из квартиры, я его за все время проживания тут и видела с десятков раз), заметил меня и... Пожалел, что ли? Ну, или ему самому так тошно было в одиночестве, что хотелось компании. И позвал он меня к себе. Тогда он только начинал мыло варить. Не был мастером. Пробовал себя. Показал мне, как что делается. И помогать позволил. Я то-

гда маленькая была, интересовалась этим. Часа два у него просидела. Перед уходом спросила, можно ли еще прийти. Валька разрешил. Вот я и стала к нему иногда заходить. В привычку у меня это вошло. Да и он вроде привязался ко мне. У него ведь никого из близких не было: ни жены, ни друзей, – а мать, она одна его воспитывала, умерла.

– Он с тобой на откровенные темы беседовал?

– Нет! – мотнула головой девушка.

– О жизни рассказывал?

– Больше о мыле.

– Ты же сама сказала, что не только о нем, а вообще... интересное что-то.

– Да он не о себе. А например, о растениях. Валька же в свое мыло только натуральные компоненты добавлял. Поэтому знал многое о том же кокосе, которым сейчас пахнет, как он растет, чем полезен.

Девушка говорила, но на полицейских не смотрела. Взгляд ее метался по помещению – Маша явно что-то искала. Левон спросил что.

– Журнал, – ответила барышня. – Глянцевый. С Пьером Морелем на обложке. Не видели его?

– С Пьером Морелем? – переспросил Левон. – А кто это?

– Это известный шеф-повар. Вы что, не слышали о таком?

Левон с Лехой покачали головой.

– Ну, как же? – всплеснула руками Маша. – Его часто по телевизору показывают. У Пьера есть своя кулинарная рубрика

в утренней передаче на одном из центральных каналов. – И с восторгом: – Он такой классный! Я когда узнала, что Пьер клиент Вальки, чуть с ума не сошла от счастья. Мечтала познакомиться с ним. Но сегодня никак не смогла днем освободиться, я хочу моделью стать, на кастинг ходила, вот и попросила Вальку взять у Пьера автограф.

– Леш, журнал не видел?

– Полно всяких. Какой надо?

– «Кулинарные штучки».

Левон вспомнил, что видел такой. А обратил внимание на журнал, потому что на обложке был помещен мужчина, который уместнее бы смотрелся на «Менс хелф». Он был похож на спортсмена, а не на повара. Бритый, мускулистый, татуированный, он никак не ассоциировался с кулинарией, скорее с регби.

Левон вернулся в комнату. Журнал лежал на стеллаже с книгами. Он взял его и показал Маше:

– Этот?

– Да, да! – восторженно запищала она. Такую бурную реакцию вызвал автограф того, кто красовался на обложке. Кроме подписи имелось короткое пожелание удачи. – Могу я забрать его?

– Почему нет? – Он отдал журнал девушке. – В каком ресторане этот Пьер шефствует, не знаешь?

– В «Красной площади». Этот один из самых дорогих и престижных ресторанов Москвы.

– Да, я в курсе. – Левон был наслышан об этом заведении неподалеку от Кремля. Запрдельные цены и зашкаливающий уровень пафоса.

– Я побегу, ладно? – спросила Масы-Зоя, вперив взгляд в обложку. В нем читалось обожание. Вот она, сила массмедиа. Журналы и телевидение могут даже из повара сделать звезду!

– Пойдем провожу тебя до квартиры, – предложил Леха. – Я к Павлуше спускаюсь.

– Так и я к нему!

– А к нему зачем?

– К дочке его. Хочу похвалиться автографом.

– Ну, пошли тогда. – Леха обернулся к Левону. – А ты в «Красную площадь»?

– Пожалуй.

– Созвонимся, – бросил Леха и покинул квартиру.

Левон хотел последовать за коллегой, но вместо этого вернулся в мастерскую. Еще раз пробежался глазами по статуэткам из мыла. Хотел взять одну для девушки. Выбирал какую: клубничку, пальму, пупса, ежика, сову? Или милого гномика? А может, вот эту фигуристую барышню, что стоит, изогнув пышные бедра? Где-то Левон уже видел нечто похожее...

И тут его осенило! Это же барышня с аватарки Мэри Крисмас. Так вот какой подарок Валентин изготовил для нее...

Секунду поразмыслив, Левон снял фигурку с полки, за-

вернул в бумагу и положил во взятый с пола пакет. Когда программисты вычислят, кто такая Мэри Крисмас, он вручит ей эту скульптурку. Даже если девушка окажется убийцей.

Глава 2

У Мэри был фантастический голос. Низкий, чуть хриловатый, но не грубый. Завораживающий. Ласкающий. Будоражащий. Незабываемый. В нем оказалось столько сексуальной притягательности, что мужчины желали ее, лишь услышав, как Мэри говорит. В этом не было ничего удивительного, поскольку она работала на радио.

Попала она туда совершенно случайно. Сразу по окончании института Мэри устроилась менеджером по продажам в одну небольшую фирму. Обзванивала организации, предлагая продукцию. Как-то она спутала цифры номера и попала на радиостанцию. Мужчина, взявший трубку, сначала обалдел от того, что ему, режиссеру эфира, предлагают купить белила для производства автомобильных покрышек, затем прислушался к голосу, оценил его и спросил: «Барышня, а вы на радио поработать не хотите?» Мэри, которой кровь из носу нужно было продать хотя бы двести кило белил, сначала хотела бросить трубку, чтоб не тратить свое драгоценное время на пустой треп. Но что-то заставило ее вступить с собеседником в диалог. Уже вечером она пришла на радио прослушиваться.

Мэри встретил тот самый режиссер. Это был привлекательный мужчина лет сорока по имени Фидель. Отец-кубинец назвал его в честь Кастро. От папы ему досталось только

имя. Внешне же Фидель был стопроцентный славянин: русский, сероглазый, курносый. Мэри предположила, что это его кличка.

– Я так и думал, – сказал он, увидев ее.

Мэри непонимающе на него воззрилась.

– Люди с фантастическими голосами, как правило, выглядят посредственно.

Она могла бы оскорбиться, да Фидель был даже корректен. Сказал, что она выглядит посредственно. На самом же деле Мэри была дурнушкой. Толстая, носатая, пучеглазая. Она не видела в своей внешности ни одного достоинства. Даже волосы, пусть и густые, и цвета приятного, медового, торчали в разные стороны, никак не желая укладываться в прическу.

– Скажи что-нибудь, – скомандовал Фидель.

– Что?

– Да хоть про свои белила!

Мэри тут же начала рассказывать об их преимуществах, но Фидель остановил ее:

– Достаточно! Я убедился в том, что ты это ты. Та самая нимфа с колдовским голосом. Нам именно такая нужна. Не можем соведущую для ночного выпуска найти. От тебя ничего особенного не требуется. Знай себе чирикай по бумажке. Но чирикай так, чтоб у всех мужиков в штанах дымилось. Ты идеальный вариант!

Мэри смущенно потупилась. Вообще-то она понятия не

имела, как дымятся мужские штаны, вернее, то, что в них. В свои двадцать два она оставалась девственницей. И в отличие от многих таких же, как она, нетронутых барышень, не имела никакого сексуального опыта. Других послушаешь, так и петтинг и оральные ласки ими испробованы. А Мэри с парнями лишь целовалась. И не потому, что берегла себя ради кого-то, нет. Просто как-то так получалось...

А скорее, не получалось!

– Тебе надо изменить свое отношение к себе, – учила ее подруга Ленка, девушка пусть не сногшибательная, но вполне симпатичная. – Перестань комплексовать, научись себя любить, и тогда парни потянутся к тебе...

Но Мэри это и без нее знала. Вот только как изменить-перестать-научиться? Если б к ней кто-то потянулся, тогда уверенности бы прибавилось, а так...

Да и Ленка не авторитет. Сама долгое время страдала от неуверенности в себе. Даже дружить с Мэри стала потому, что та неказистее ее была. Ей требовалась страшная подруга, чтоб сама Ленка на ее фоне выигрышнее смотрелась. Мэри узнала об этом от одноклассницы. И хотела с Ленкой после этого разругаться, но потом решила этого не делать. Потому что, кроме нее, у Мэри друг не было.

Они продолжали поддерживать отношения и по окончании школы. Обе поступили в один вуз, только на разные факультеты. Постоянно пересекались в универе. И на тусовках бывали вместе. Только Ленка если и не в центре внимания,

то хотя бы в периметре, а Мэри за его пределами. И ведь сама понимала, что неправильно себя ведет. Были в компаниях девушки несколько не красивее ее, но такие заводные, веселые, раскрепощенные, что на них находились желающие (познакомиться, потанцевать, проводить). При этом она никогда не была забитой, нелюдимой, пугливой. Могла и в разговоре поучаствовать, и станцевать, и спеть, и на авантюру подписаться, но никогда не бывала инициатором. Предложения – поддержит. Но выступит в массовке.

Лена замуж вышла на последнем курсе. Мэри была у нее на свадьбе свидетельницей. Повеселилась чудесно. Особенно ей понравилось со свидетелем танцевать и целоваться по углам. Мэри подумала грешным делом, что он влюбился в нее. А он всего лишь переспать с ней хотел. Так сказать, соблюсти традицию (якобы если свидетель со свидетельницей переспят, молодые жить будут долго и дружно). Но и это была не его инициатива. Друзья подбивали. А парень бухтел «я столько не выпью»...

Но выпил-таки! И стал к Мэри приставать.

Она его отвергла. Возможно, из-за этого брак Лены распался через четыре года. И она осталась одна с двухгодовалым сыном.

Мэри на тот момент уже работала на радио. Да не какой-то чирикалкой, а полноценной ведущей. Мэри Крисмас – такой был у нее псевдоним (на самом деле ее звали Марией Кирсановой). Она чаще всего вела ночные эфиры. Но раз в неде-

лю – дневной. Шоу называлось «Маленькая пятница» и шло по средам.

В ее фантастический голос влюблялись многие. У Мэри было множество поклонников, и почти все они представляли ее сногшибательной красоткой. Потому что не может женщина с ТАКИМ голосом быть обычной, а тем более страшненькой. Некоторые караулили ее у дверей здания радиостанции, мечтая познакомиться с Крисмас лично. Несколько раз эти поклонники обращались к ней. Хватали за руку и спрашивали, когда Мэри выйдет, на какой машине она ездит или как выглядит. В ответ она всегда пожимала плечами. И шла к метро, то ухмыляясь про себя, то хмурясь, в зависимости от настроения.

В двадцать четыре года Мэри наконец рассталась с невинностью. Отдалась Фиделю после новогоднего корпоратива. Он был женат, и ничего серьезного у них не могло получиться. Но сексом они продолжали заниматься, пусть и не часто...

А ей так хотелось романтических отношений!

– Тебе нужно найти слепого мужика! – выдала как-то Ленка. – Который влюбится в твой голос и не будет тебя видеть.

– Я что, так ужасна? – вышла из себя Мэри. – У меня борода? Горб? Или дополнительная конечность? Я не хуже многих!

– Так ты же сама себя дурнушкой считаешь.

– А ты, вместо того чтоб разубедить меня в этом, только

масла в огонь подливаешь!

– Я даю тебе совет.

– Да пошла ты... Со своим советом! И кстати! Что ж ты глухого себе не нашла? У тебя такой противный голос. Может, муж от тебя сбежал, потому что не смог его больше терпеть?

И ушла от Ленки разъяренная. Они потом месяц не разговаривали, но все же помирились.

В двадцать пять лет Мэри решила, что так больше продолжаться не может и надо что-то в себе менять. И начала с внешности. Села на строгую диету и... записалась на прием к пластическому хирургу. Тот, осмотрев ее, спросил:

– Что вы хотели бы подкорректировать?

– Нос.

– А чем он вам не нравится?

– Он огромный.

– Нет, он всего лишь крупный. Но отличной формы.

– Я хочу аккуратный носик.

– Милочка, да куда вам такой? Он же на лице потеряется.

– Лицо у меня скоро будет меньше, я на диете сижу.

– У вас крупные черты лица. Глаза, рот и нос. Я не советую вам делать пластику.

– То есть вы мне советуете оставаться уродиной?

– Вы разве не слышали поговорку, что некрасивых женщин не бывает, есть неухоженные? Сходите к стилисту, он приведет в порядок ваши волосы, подберет вам правильный

макияж. А что на диету сели, правильно. Вам еще в спортзал надо записаться. Иначе придется снова ко мне приходить, и тогда уж я за вас возьмусь.

– В смысле?

– Кожа повиснет, понадобится удалять. В вас ведь лишнего веса, милочка, килограммов сорок.

Мэри ушла от хирурга раздосадованной. Но потом, поостыв, поняла, как ей с ним повезло. Другой бы просто заработал на ней, перекроив ее нос, а результат мог оказаться плачевным. Потому что черты Мэриного лица на самом деле все крупные. И зачем ей маленький нос?

Она послушалась совета доктора и записалась на прием к известному стилисту, а также приобрела абонемент в спортклуб...

И похорошела! Право слово – похорошела. Похудела пусть не на сорок, но на восемнадцать кило. Зато стала влезать в пятидесятый размер, однако покупала пятьдесят второй, чтоб не облегал. Стала гибкой – занятия калланетикой помогли. Стилист ее лохмы привел в порядок, постриг, избавив от вечного хвостика, сделал легкую химию, и на челке несколько прядей осветлил. Ленка, когда Мэри с новой прической увидела, присвистнула. Потому что выглядело это очень естественно. Как будто Мэри не два часа в кресле стилиста провела, а две недели на тропическом острове, и ее волосы выгорели на солнце, а в беспорядок их привел морской бриз.

А вот макияж, предложенный стилистом, Мэри отвергла. Слишком ярко. Только тени начала накладывать, как он советовал. Чтоб глаза не казались выпуклыми.

И она стала себе нравиться. Не так чтоб ах... но все же!

Вот только на личной жизни это никак не отразилось. Мэри продолжала изредка спать с Фиделем, несколько раз в ее постели оказался другой мужчина, тоже с радио, но уже инженер звукозаписи, однако романтических отношений так ни с кем построить и не удалось. Да что там! Даже их фундамент заложить!

– Может, тебе родить? – выступила с очередным предложением Ленка. – Для себя?

– А не рано?

– Ты что? Женщина двадцати пяти лет в нашей Раше уже старородящей считается. А ты пока забеременеешь, пока выносишь...

– Стану совсем древней? – усмехнулась Мэри. – Что ж... Значит, придется ехать рожать за границу. Потому что я хочу в браке ребенка завести.

– А если замуж не выйдешь?

– Рожу для себя.

– Так я тебе это и предлагаю...

– В сорок лет, не сейчас!

– Не поздно?

– В самый раз, – припечатала Мэри.

И Ленка не стала с ней спорить. Она больше не хотела

ссориться. Мэри не только ее подруга, но и крестная ее сына. Мальчик любит ее. А еще больше – щедрые подарки, получаемые от нее на дни рождения и Новый год.

И Мэри продолжала жить как раньше. Разве что стала больше путешествовать и ходить в хорошие рестораны. А еще на занятия по художественной лепке. Надо же себя чем-то радовать и чем-то занимать. Другие диджеи вели какие-то мероприятия, кто-то на телевидении снимался. А Мэри не могла себе этого позволить. Показаться людям – значит выдать себя. Как только фанаты узнают, как она выглядит, они разочаруются в ней. Иной раз она думала: и пусть. Она не только сексуальный голос. Она цельная личность. А потом, успокоившись, понимала, что, рассекретив свой внешний образ, только все испортит. Потеряет часть поклонников, это совершенно определено. Да еще избавится от флера загадочности, который позволяет ей выделяться из массы радиоведущих, и она затеряется в ней. Когда радиостанция исполнилось десять лет и был выпущен календарь, для которого снялись все диджеи, Мэри не ходила на фотосессию. В квадратике, под которым значилось «Мэри Крисмас», была помещена веселая картинка сексапильной барышни а-ля супруга кролика Роджера из фильма про многострадального мультя...

«Нет, пусть все остается как есть! – всякий раз делала вывод Мэри. – Денег мне, слава богу, хватает. Так что не будем от добра добра искать...»

На самом деле Мэри хватало средств лишь потому, что ее потребности были не особенно велики. Да, ей неплохо платили, но если б она пожелала купить квартиру или хорошую машину, пришлось бы залезать в долги. Но Мэри досталось жилье от бабушки, а за руль она садиться боялась. Так что заработанных денег ей хватало и на прозу жизни, и на поэзию отдыха (не самого, к слову, дорогого), и на подарки близким, и на чудачества, к коим Ленка относила увлечение подружки лепкой.

– Последний рекламный блок, и будем прощаться! – услышала Мэри голос Фиделя. Он раздался из наушников. Сам режиссер сидел в аппаратной. Она видела его через стекло.

Реклама длилась три минуты, этого времени Мэри хватит на то, чтобы налить себе кофе и сделать несколько глотков. За ночь она выпивала чашек пять, чтоб не спать, быть бодрой и не хотеть есть. Кофе отбивал у нее аппетит. Но сегодня была маленькая пятница, а иначе говоря, среда. Поэтому она обходилась обычной водой. Много кофе пить вредно. И для сердца, и для зубов, желтеют они от него, а у нее и так эмаль не белая. Но Мэри решила позволить себе чашечку. Домой она попадет только через два часа, а кушать уже хочется.

Она поднялась с кресла, сняла наушники. Фидель махнул ей, подзывая. Мэри, быстро налив себе кофе, прошла к двери, заглянула в операторскую.

– Что? – спросила она у звукорежиссера.

– Опять твой блаженный звонил четыре раза, – сообщил

он. – С другого телефона в эфир пробиться пытался, да я его уже по голосу узнаю...

Мэри покачала головой. Беда с этими блаженными! Так они называли тех, кто постоянно названивал на радио, желая попасть в эфир. Люди эти были не совсем адекватны, с психическими отклонениями. Они несли всякую ерунду: кто предрекал конец света, кто рассказывал об инопланетянах, живущих среди нас, кто обвинял кого-то из известных исполнителей, чьи песни крутились на радиостанции, в сексуальных домогательствах, или в плагиате, или в связи с теми же инопланетянами. Таким редко удавалось пробиться в эфир – звонки принимали люди опытные, они быстро вычисляли «блаженных». Но некоторые из них все же умудрялись заморочить головы редакторам и получали свои десять секунд славы. Тогда ведущим приходилось несладко. «Включали» и психолога, и юмориста, и актера, чтобы сгладить ситуацию. Мэри на блаженных «везло» больше всех остальных сотрудников. То ли потому, что психов мучила бессонница (Крисмас чаще всего вела ночные эфиры), то ли они как-то особенно реагировали на ее голос. В общем, у нее было больше, чем у остальных, ненормальных поклонников.

Такие имелись у всех диджеев. Психи влюблялись в них, писали письма, звонили на радио, а с недавних пор присылали СМС-сообщения. Почти на всех радиостанциях стали принимать заявки посредством эсэмэсок. Кто-то просил поставить любимую песню, кто-то передать привет, кто-то за-

дать вопрос гостю студии. Эсэмэски принимались круглосуточно, фиксировались и отображались на всех компьютерах работников станции. Естественно, среди сообщений было много обычного спама. Но не меньше – страстных признаний. Блаженные писали своим кумирам длинные и страстные послания, назначали им свидания, звали под венец, а то и сообщали о том, что те скоро станут или уже стали родителями. Последнее касалось, естественно, мужчин. Звезда их радио, Ларик Ларионов, парень не только с приятным голосом, но и с обезоруживающей улыбкой, получал подобные сообщения регулярно из разных городов России. Даже из тех, где не бывал. По его подсчетам, у него уже имелось два сына, дочь, а на подходе еще трое детишек. И все бы ничего. Ларик часто вел мероприятия, разъезжая по стране. Так что в принципе у него вполне могла бы появиться парочка незапланированных карапузов, если бы не ориентация Ларионова. Он был убежденным гомосексуалистом, и с женщинами ни разу в жизни сексом не занимался.

Мэри СМС приходило меньше, чем Ларику, но больше, чем всем остальным диджеям ее пола. Среди блаженных особенно выделялся один. Он всегда подписывался «Твой». Ни имени, ни фамилии, ни ника. Просто – твой. Сначала он писал очень добрые СМС. Восхищался Мэри и ничего от нее не требовал. Тексты были написаны грамотно: фразы построены – не придерешься и правописание на уровне. Он даже радовал ее первое время. Среди толпы озабоченных дегене-

ратов такой экземпляр! Видно, что прекрасно образован и хорошо воспитан. Еще он звонил. Нечасто, но всегда в одно и то же время, между половиной первого и десятью минутами второго. Желал всем спокойной ночи, слал большой привет Мэри и просил поставить песню Пресняка «Зурбаган» из фильма «Выше радуги».

Но потом все изменилось. В сообщениях стали появляться резкие нотки. В словах – ошибки. Не грубые, и все же. Дальше – больше. Мужчина позвонил, его привычно пропустили в эфир, но вместо приятных слов Мэри услышала: «А ты такая же сука, как и остальные! Обещала мне встречу, а сама кинула!» Больше ничего он сказать не успел, звонок прервали. Далее зазвучал «Зурбаган»: редакторы уже приготовили эту песню. Неприятно удивленная, Мэри бросила вопросительный взгляд через стекло на Фиделя. Тот встал, открыл дверь и скороговоркой выдал:

– Он весь день тебе эсэмэски слал, оказывается. На свидание звал. Прождал тебя до полуночи у фонтана на Манежной. Ты не пришла, вот он и...

– А казался таким адекватным, – тяжело вздохнула Мэри. – Но я же ничего ему не обещала, даже если он и звал меня куда-то, я не давала согласия на встречу...

– Да что ты на психов внимание обращаешь. Он первый, что ли?

– Нет, но...

– Все, Мэри, к станку, песня заканчивается!

После этого блаженного в эфир не пускали. Но он продолжал слать СМС. От раза к разу они становились все более неадекватными. Пока не превратились в полный бред. «Я тебя любил. Готов был положить к твоим ногам весь мир. Но ты меня отвергла. И теперь делаешь вид, что меня нет. Но я есть, я жив, я ТВОЙ. Все еще твой. И я готов тебя простить. Но ты должна приползти ко мне...» Это было самое адекватное послание. Потом пошел набор слов, обычно оскорбительных, и между ними ни точек, ни запятых, ни пробелов. Блаженного занесли в черный список, и его сообщения перестали фиксироваться и отображаться. Тот, видимо, понял, что его послания остаются непрочитанными, и подключил новый номер. С него-то он и звонил в эту ночь.

...После рекламной паузы Мэри вышла в эфир на пять минут. Немного поболтала о погоде, испортившейся вечером, выдала несколько анонсов, затем простилась, пожелав всем приятного окончания вечера, сладких снов и бодрого пробуждения. Едва зазвучала музыка, Мэри сорвала наушники и заторопилась на выход.

– Фидель! – позвала она режиссера, распахнув дверь. – Мой блаженный больше не писал?

– Как же. Вот два новых сообщения. – Он ткнул пальцем в монитор. – Я не сразу понял, что это он. Номер-то другой. А потом, когда он позвонил с него и я голос услышал, все ясно стало...

– А мы-то надеялись, что его в больничку положили, –

подал голос звукоинженер Слава, неизменно работающий в паре с Фиделем. Когда-то он был вместе с ним на дневных эфирах, но, как только соратник перевелся в другую смену, Слава последовал за ним. Некоторые считали, что он к Фиделю неравнодушен, так как ходили про Славу кое-какие слухи, но Мэри верила в искренность его дружеского отношения к давнему соратнику. Они ведь вместе начинали на радио, устроились на станцию в один день. Ко всему прочему, именно Слава был тем звукоинженером, который «подменял» в ее постели Фиделя (и тут они «работали» в паре). Так что в его ориентации у нее сомнений не было.

– И что там, в сообщениях? – поинтересовалась Мэри.

– Дает последний шанс. Не воспользуешься – тебе же будет хуже, – ответил Фидель, подвинув к себе чашку с какао. Он пил только его и простую воду. Ни чай, ни кофе не любил. Энергетики презирал. А бодрым он мог оставаться и без помощи кофеина, таурина и прочей, по его выражению, гадости.

– Он что, угрожает мне? – испугалась Мэри.

– Забей! – услышала она за спиной приятный мужской голос. Это Ларик явился на работу. – Мне мои блаженные чем только не грозили! От триппера до порчи.

Он обнял Мэри и чмокнул ее в висок. Ларик был само очарование, и ни одна женщина не могла остаться к нему равнодушной. Даже та, что знала о его нетрадиционной сексуальной ориентации. Мэри его обожала как приятеля или

брата младшего, хотя он был ее ровесником. А кое-кто из девочек был в него по-настоящему влюблен, и каждая мечтала, что ради нее он изменит своим пристрастиям и примкнет к натуралам.

– Кстати, на прошлой неделе, – продолжил Ларик, – одна моя бывшая жена...

Фидель хохотнул:

– Кто?

– Да, милый, жена. А ты что думал, у меня только дети есть? Жены тоже имеются... Сейчас!

Он вытащил телефон, побегал по экрану пальцем, затем продемонстрировал всем фото обнаженной женщины. Возраст – за сорок. Вес – за сто. Выкрашенные в угольно-черный цвет волосы заплетены в африканские косички. Брови, глаза, губы – все ярко накрашено. Над алой губой родинка. Или ее имитация. Полные пальцы, прикрывающие соски, унизины перстнями. Общий вид такой, что... лучше ослепнуть!

– Хороша Маша... – крикнул Славик, и у Мэри сложилось впечатление, что женщина на самом деле ему приглянулась. В глазах загорелся огонек интереса. Хотя тон был издевательским.

– Как говаривал Остап Бэ, знойная женщина – мечта поэта, – хмыкнул Фидель.

– Сам тащусь, – расплылся в улыбке Ларик. – Закидала наш сайт подобными фотками. Эта самая приличная. Все для меня и мужа... Мы якобы провели свадебный обряд на

острове Самуи, где познакомились и, естественно, закрутили бурный роман.

– Ты с ней в жизни хотя бы встречался? – спросила Мэри.

– Не припомню. И на Самуи я не был. – Он шутливо чмокнул экран, затем убрал телефон в сумку. – Так вот, эта барышня на прошлой неделе грозилась отчитать мое достоинство, если я не исполню супружеский долг. Надеюсь, продемонстрировать своего малыша в доказательство того, что он на месте, мне не придется?

– А что, если она все же приведет свой «приговор» в исполнение?

– Да брось! Она даже не москвичка. Из Ростова. Никуда она не поедет. Это люди не действия, это люди слов, причем пустых. Понимаешь?

– Не знаю... – Мэри почему-то никак не могла успокоиться. – А вот возьми Джона Леннона. Его же убил фанат...

– Мать! – Ларик схватил Мэри за плечи, развернул к себе лицом и уставился на нее с таким выражением, будто он врач-психиатр, а она его пациент. – Где мы с тобой и где Джон?

– Да, Марусь, – поддержал его Фидель, – не забивай себе голову ерундой! Вспомни наших гостей, им тоннами шлют подобное... – Это он звезд российской попсы имел в виду, к ним они частенько заходили. – И ничего. Все живы-здоровы. В том числе психически. А если бы заморачивались по поводу всяких там ненормальных поклонников, давно бы с

катушек слетели!

Мэри кивнула. Они все верно говорили. Но почему-то спокойнее ей не становилось.

– Домой топай, – бросил Слава, махнув рукой. – Отдохни. И все пройдет.

– А если он меня у дверей... поджидает? И когда я выйду, на меня накинется?

– С чего бы? – с усмешкой возразил Фидель. – Тебя ведь никто в лицо не знает!

Мэри никогда так не радовалась этому, как сейчас. У нее реально настроение поднялось, когда Фидель напомнил ей о том, что она неузнаваема.

– Если опасаясь, то я могу тебя подвезти домой, – предложил Слава. – Только я через час освобожусь. Подождешь?

Она знала, чего он хочет. Секса! А она... Не то чтобы не хотела. Просто... хотела не только его! А Слава не желал давать ничего, кроме секса. Переспали, поболтали, чмокнули друг друга в щеки без особых эмоций и разбежались до следующего раза.

Нет, не нужно ей это! Был бы хоть секс регулярный, один-два раза в неделю, чтобы сказать себе, это мне надо для здоровья. А так... раз в месяц... и вяленько, без пресловутых бабочек в животе... Зачем?

– Нет, спасибо, Слава, я такси вызову.

Попрощавшись со всеми, Мэри покинула студию. Спустилась на лифте в фойе. Хотела вызвать такси, но потом пе-

редумала. Зачем? До метро идти десять минут. Ехать в нем полчаса. На машине до дома она будет добираться гораздо дольше. К тому же ей надо зайти в супермаркет, что возле станции, купить продуктов.

Покидать здание было немного боязно. В голову лезла всякая ерунда. Что ее блаженный как-то узнал, какая у нее внешность на самом деле, и накинется на нее, едва она выйдет. «Эх, надо было со Славкой ехать, все спокойнее, – зудела она про себя. – В конце концов ему всегда можно сказать «нет»!»

– Сережа! – обратилась она к охраннику. Парень работал на проходной уже полтора года, и Мэри его хорошо знала. – Не могли бы вы оказать мне услугу?

– Попробую, – кивнул Сережа. Мэри была не маленькой, но на фоне его широченных плеч таковой казалась. Многие считали Сергея тупым качком. Но Мэри знала, что парень учится в институте и успешно сдает сессии.

– Я выйду сейчас, а вы проводите меня взглядом, хорошо?

– Вы чего-то опасаетесь?

– Да всякий сброд крутится у дверей, сами знаете...

– Пойдемте. – Сережа взял ее под руку и вывел на улицу.

Как ни странно, площадка перед входом была совершенно пуста. Ни единого человека. Хотя обычно кто-то обязательно попадался. Те же работники радио, докуривающие последние сигареты перед тем, как начать свою трудовую вахту. А тут – никого.

От сердца отлегло.

– Все чисто, – веско проговорил охранник.

– Спасибо, Сережа, – поблагодарила она его. – Я пойду.

– А я послежу!

Здание, в котором размещалась их станция, находилось от метро в восьмистах метрах. Путь до него Мэри, естественно, преодолевала пешком. Напротив здания был разбит небольшой сквер. По его аллее Мэри и зашагала. Погода стояла не очень хорошая, моросило. И народу в сквере не было. Она увидела только одного пожилого собачника, выгуливающего симпатичную дворнягу, один из предков которой наверняка являлся лайкой. У пса был хвост кольцом и острая мордочка.

– Байкал, фу! – прикрикнул на пса хозяин, заметив, что тот пытается сожрать какую-то падаль. – Покупаю тебе самый дорогой корм, а ты, дурень, подбираешь всякую гадость...

Мэри любила собак. Поэтому с интересом поглядывала на Байкала. Ее даже страх отпустил. «Может, и мне завести песика? – подумалось ей. – Маленького, пушистого. Йоркшира, например...»

А Байкал тем временем заметил Мэри и бросился к ней с радостным лаем. Хозяин снова крикнул ему «фу», но пес будто не слышал и несся на девушку, чтоб ее поприветствовать. Мэри понимала, что никакой угрозы милаха Байкал не представляет, но все равно отпрыгнула. У него лапы грязные, а на ней светлый плащ, испачкает же!

И вдруг...

Звук странный! Похож на писк комара, но громче. Мэри подумала было, что это Байкал так странно скулит, но мысли ее оборвались от резкой боли в руке...

Она схватилась за нее и почувствовала под пальцами горячую пульсацию. Все еще не понимая, что случилось, Мэри бросила взгляд на предплечье и ужаснулась. Ее белый плащ, который она привезла из Италии и всей душой его обожала, был порван и залит кровью. Почему-то именно то, что испорчена любимая вещь, ужаснуло ее. И только потом до нее дошло, что в нее стреляли...

Байкал, преодолев последние метры, разделявшие их, поднял лапы и водрузил их на живот Мэри. Она покачнулась. Пес запрыгал, пытаясь лизнуть ее в лицо. Мэри, перепуганная, обессилевшая от боли, начала падать. В том состоянии, в каком она в тот момент находилась, в нее ткни пальцем – рухнет. А тут довольно крупная собака навалилась всем телом!

Мэри упала на мокрую брусчатку дорожки, больно ударившись спиной. Сознание заволкло туманом. Но перед тем, как потерять его, она услышала еще один свистящий звук... испуганный собачий визг и человеческий крик: «Байкал, фу!»

Глава 3

Пьер, скрестив мощные руки на груди, строго смотрел на новенького повара. Тот только что испортил один стейк и, судя по тому, как сильно горел огонь под сковородой, собирался сделать это и со вторым. Парень был не без таланта, но слишком тороплив. Хотел все сделать быстро, а спешка, как говорится в старой русской поговорке, хороша только при ловле блох.

Когда поваренок собрался выложить стейк на сковороду, Пьер не выдержал. Влепив ему затрещину, отобрал кусок телятины и выгнал с кухни.

- Шеф, давайте я? – обратился к Пьеру один из поваров.
- Сам, – отмахнулся тот от него.

Морелю исполнилось тридцать шесть, и последние тринадцать лет он жил в России. До этого в родной Франции в Лионе. Работал в ресторане своего отца. Звезд с неба не хватал, не рвался пробиться в знаменитые повара, просто хорошо выполнял свою работу. Не халтурил, как папа учил.

Пьер вообще-то мечтал совсем о другом. Ему хотелось уехать в большой город, не обязательно Париж. Иностранная столица еще лучше, ведь он не бывал за границей. Даже в соседней Англии. Все как-то не до того было. Будучи школьником, он помогал отцу в ресторане, мыл посуду, обслуживал столики, затем закупками занимался. Потом окон-

чил поварские курсы и стал шефом.

Ресторан был восточным. Отцу он достался в наследство от его папы-алжирца. Основные посетители от него же. К ним ходили в основном пожилые эмигранты или их отпрыски. Меню не менялось годами. Пьер хотел бы попотчевать посетителей чем-то новым, да отец все его начинания на корню зарубал. Ресторан приносил прибыль, значит, ничего менять не надо. Готовь то, что шеф-повара до тебя, но не хуже, а лучше. Пьер так и делал. И постоянные клиенты это отмечали. Папа сыном гордился. А Пьер собой нет. Подумаешь, не испортил блюда, которые изо дня в день готовил. Что в этом такого? Все уже чисто механически получается. А так хотелось творить... И видеть новые лица... Кухни, города, страны...

Пьер уже думал, что все, так и погрязнет он в лионовском болоте, пропахнет алжирскими специями, перестанет мечтать...

Но как-то завалился в их заведение новый русский. У них в Лионе лет десять назад появился первый представитель этой «касты» и шокировал всех своим поведением. Но со временем все привыкли к выходкам нуворишей из далекой России. Да и те стали себя вести более цивилизованно. Но мужчина, что явился в их ресторан, напоминал тех, из первой волны. Он был пьян и очень шумел. Заказал фирменный суп из баранины с фасолью и пиво. Когда принесли еду, клиент съел две ложки и отставил тарелку. После чего потребо-

вал повара.

Пьер, наслышанный о пьяных выходках богатых русских, вышел в зал с опаской.

– Брат, у меня к тебе просьба, – начал гость на вполне приличном французском. – Приготовь мне нормальный суп, а? Не эту вот дрянь, мутную и переперченную. Но и не те помои, что во всех французских заведениях подают.

– Может, вам лучше в русский ресторан пойти? На соседней улице есть.

– Был я там. Не понравилось. А тебя хвалили как повара. Только вот это... – он отодвинул тарелку с супом, – этого я не хочу. Базиликом отдает, а я его ненавижу.

– Хотите рыбного супа с виноградными листьями?

Клиент наморщил нос.

– Куриного с фасолью?

Русский тяжело вздохнул.

– Обычного говяжьего бульона с зеленью?

– Свари мне щей, а?

– Не понял?

– Щи, это такой суп русский. С капустой.

– Я рецепта не знаю...

– Короче, так! – Клиент вынул из кармана несколько крупных купюр. – Свари мне щи. И этот свой... из рыбы и листьев для сравнения. Понравится мне – еще столько же получишь.

Пьера охватил азарт.

– Хорошо. Но на это мне потребуется время. Вы готовы

ждать?

– Я никуда не тороплюсь! – Русский откинулся на спинку стула, оглядел зал и, увидев официантку, сказал: – Пива всем за мой счет!

Посетители одобрительно загудели. Официантка унеслась наполнять кружки, а Пьер на кухню. Рецепта шей он не знал, но разве это проблема в век Интернета? Главное, нашлись бы под рукой нужные продукты. Оказалось, суп был совсем не сложный. И приготовить его на основе уже имеющегося мясного бульона не составило труда. Сварив его, да не на газу, а в духовом шкафу, Пьер попробовал. На его взгляд чего-то не хватало. И он добавил на свой страх и риск немного сушеной паприки и чеснока. Попутно приготовил рыбный суп. Его-то и подал первым. Но русский, съев две ложки, тарелку отставил.

– Вкусно, но я хочу шей! – После пива он стал еще пьяней, и Пьер решил не спорить.

Когда перед русским оказалась тарелка со щами, он втянул носом ароматный пар и зажмурился.

– Как бабушкины, – пробормотал он и стал наворачивать щи. Они были горячими, мужчина обжигал рот, но остановиться и немного подождать, когда остынут, не мог. Ел и ел! Опустошив тарелку, он хлопнул себя по животу и сказал: – Наелся... И доволен! Давно не ел таких вкусных щей. Твои как деревенские, из печки русской... Бабушкины. – Он вынул бумажник, отсчитал три купюры. – Как обещал, держи.

– Мерси.

– Завтра приду, мне тут еще два дня обитать.

– Сварить для вас щи?

– Не, давай борщ, а? Сможешь?

Пьер утвердительно кинул, хотя слово «борщ» тоже слышал впервые.

Всю ночь он изучал рецепты русской и украинской кухни. И многое захотел приготовить. Особенно его заинтересовали такие блюда, как холодец и заливное. В алжирской кухне их не было. Как и во французской, которую он изучал на курсах.

В итоге, когда русский гость явился в ресторан, ему предложили не только борщ, но и открытый рыбный пирог и кисель. Тот поел с аппетитом, похвалил повара, оставил крупную сумму и пообещал прийти завтра.

– Я приготовлю холодец, – сообщил Пьер.

– Слушай, парень, у тебя нет русских корней?

– Нет.

– Точно? А готовишь с настоящей русской душой. Ладно, до завтра. Холодец я обожаю.

На следующий день, отведав студень и опрокинув в себя три стопки водки, русский сказал:

– Забираю я тебя отсюда!

– Не понял?

– Нечего тебе в этой забегаловке прозябать! Будешь шефом в моем ресторане на Красной площади. Слышал про такую?

– Да, конечно. У вас там есть ресторан?

– Будет. Решил открыть. Не на самой, ясное дело, Красной площади, там не разрешат, но неподалеку. Знаешь, чтоб сидеть, кушать и видеть кремлевские звезды. Я ведь, милый мой, член парламента. А в думской столовой отвратительно готовят. Хотя кому-то нравится. Но это они просто не ели стряпню моей бабушки.

– Но я не могу...

– Что не можешь?

– Все бросить.

– Это еще почему?

– У нас семейный бизнес. Отцу ресторан достался от моего деда...

– И что?

– Мой долг...

Русский закатил глаза.

– Замолчи, умоляю. Твой долг – быть счастливым. Только не говори, что ты сейчас счастлив. Не поверю.

– Но Россия далеко. Я там никого не знаю. Языком не владею. В России холодно. Непривычно. И опасно. Я не смогу там...

Но русский лишь отмахнулся, не желая слушать возражений.

– Какая у тебя тут зарплата? – спросил он.

– Восемьсот.

– Я буду платить три тысячи, плюс жилье. Только дурак

откажется от такого предложения. Ты ведь не такой? – Русский протянул визитку. – Я даю тебе время на раздумья.

– Сколько?

– Много. Целых... – клиент глянул на часы, – целых четыре с половиной часа. Улетаю вечерним рейсом. Если примешь мое предложение, я дам распоряжение своим людям здесь, чтоб помогли тебе. Нет – забуду о тебе сразу, как сяду в самолет. И после можешь мне не звонить, ясно?

Пьер понуро кивнул. Ему еще не доводилось принимать таких серьезных решений. За него все решал отец. С ним он и стал советоваться, когда русский покинул их заведение.

– Даже не думай! – отрезал тот, не дослушав.

– Но почему, папа? Это такой шанс!

– Какой шанс? С ума сошел? Русский мафиози что-то тебе наболтал, а ты и уши развесил?

– Он не мафиози. А член парламента.

– Вот именно, там все они, эти бандиты, и заседают – в парламенте!

Они долго спорили. Аргументы отца были железными. Он все говорил правильно. Никому нельзя верить, особенно новым русским. И лучше синица в руках, чем журавль в облаках. Особенно если, чтоб его поймать, самому придется полететь черт знает куда. А, не ухватив его за хвост, можно так брякнуться с высоты, что еще неизвестно, выживешь ли. Но чем больше говорил отец, тем сильнее Пьеру хотелось податься на авантюру и рискнуть. Когда еще совершать безум-

ства, как не в молодости? Ему ведь едва исполнилось двадцать три...

Он позвонил русскому депутату (или мафиози!) и дал согласие. Вскоре с ним связался его адвокат. И меньше чем через месяц Пьер улетел в Москву, о чем ни разу не пожалел.

* * *

– Шеф, там вас господин Дубинин просит, – услышал Пьер голос старшего администратора Федора. – Желает выразить благодарность...

– Пять минут, – бросил Пьер через плечо. Он решил самодично не только приготовить стейк, но и сформировать блюдо на тарелке. Кому-то из клиентов сегодня повезет, он отведает угощение от самого маэстро Мореля.

Ресторан, в котором он шефствовал, был открыт двенадцать лет назад тем самым депутатом, с чьей легкой руки Пьер оказался в России. За это время в нем ничего не изменилось. Название, профиль – русская кухня, как у бабушки, из печки, лицо заведения, дизайн – все оставалось таким, как при первом хозяине... Только хозяин сменился. Убили депутата восемь лет назад. Застрелили у подъезда собственного дома. А ресторан супруга покойного продала. Да не абы кому, а очень известному российскому артисту старой школы. Именитому, богатому и заслуженному... не только деятелю культуры, но и криминальному авторитету. С ним у Пьера

сложились прекрасные отношения, и он остался на прежнем месте, хотя его пытались переманить многие.

– Шеф, вы бы поторопились, – нервно проговорил Федор. – Господин Дубинин ждать не любит!

– А я не люблю торопиться, когда занимаюсь своим делом, – парировал Пьер, поливая стейк горчичным соусом с измельченными маринованными огурцами и свежим укропом (это была его придумка). – Если вы, Федор, не будете мне мешать, я закончу гораздо раньше.

Администратор, закатив глаза, удалился. Знал, что с шефом спорить бесполезно.

Через две минуты блюдо было поставлено на поднос официанта. А Пьер, сняв испачканный фартук и сполоснув руки, вышел в зал принимать благодарность министра Дубинина.

Те, кто видел Мореля впервые, даже подумать не могли, что он повар. Людей этой профессии обычно представляют полными, уютными, благодушными. Пьер же походил на бандита. Высоченный, мускулистый, бритый и с бородой. От него люди шарахались, если встречали темной ночью в пустынном переулке.

Он нравился женщинам. Мужчина с brutальной внешностью и тонкой душой – мечта каждой. А если еще учесть, что Пьер великолепно готовил, был французом (женщины почему-то считали их особенно галантными), то его просто рвали на части представительницы слабого пола. Особым успехом он пользовался у романтических барышень лет двадцати. Но

Пьеру они были не интересны. Ему нравились дамы постарше. Хотя те к нему относились несколько настороженно. Не понимали, в чем подвох. И привлекательный, и небедный, и галантный, готовит изумительно и... Холостой? Что же с ним не так?

А с Пьером и на самом деле было кое-что не так. Он любил женщину, которая принадлежала другому, и желал видеть рядом с собой только ее. Остальные так... От скуки и одиночества... И для тела, конечно.

Ее звали Александрой. Сашенькой, как Пьер величал ее про себя. Она работала на телевидении. Вела дневные новости на одном из центральных каналов. На экране всегда очень серьезная, даже несколько суровая, в жизни она была мягкой, веселой и нежной...

«Моя нежная девочка... Сашенька...» – шептал Пьер, глядя на ее фото или видя Александру по телевизору. А потом вспоминал, что она не его... И плакал. Не глазами – сердцем.

Они познакомились на телевидении. В кулинарном шоу, где пищу готовят профи и любитель. Любители обычно были людьми публичными: актерами, спортсменами, политиками, телеведущими. Александру Пьер видел до этого на экране пару раз. Отметил, что очень красива, но не заинтересовался. Она казалась ему холодной и бездушной. Как манекен в магазине женской одежды...

А в жизни она оказалась другой!

Пьер не мог от нее глаз отвести. Когда ведущий подходил к Саше и она с ним общалась, Пьер вместо того, чтобы сосредоточиться на приготовлении блюда, смотрел на нее. После того как съемки закончились, он подошел к своей сопернице (зрители выставляли им баллы, и Пьер победил), чтобы пригласить ее в свой ресторан. Та согласилась. Уже на следующий день Морель кормил Сашу разными вкусностями. Она заказала всего лишь овощной салат и рыбу, но ей носили и носили презенты от шефа. Александра после третьего блюда попросила официанта позвать Пьера. Когда тот вышел к ней, она взмолилась:

– Прошу вас, Пьер, ничего больше не присылайте. Еда очень вкусная. Но я не могу столько есть!

– А вы не ешьте, только пробуйте.

– Все равно не могу! Я на диете... А тут все такое калорийное...

– Зачем вам диета? Вы и так прекрасно выглядите.

– Потому и выгляжу прекрасно, – улыбнулась она. – Потому что сижу на диете. Я очень склонна к полноте.

– И все же я настаиваю на том, чтоб вы отведали еще одно блюдо. Это очень легкий десерт. От него не поправишься...

И он прислал ей десерт, приготовленный собственноручно. Хотя очень редко брался за десерты. Не потому что не получались они у него, просто не любил размениваться. Считал их пустяками. Но для Сашеньки он приготовил чудесное суфле со смородиной. На самом деле очень легкое. И был

несказанно рад тому, что оно Сашеньке понравилось. Она жмурилась от удовольствия, когда ела. А потом облизнула ложечку, на которой оставалось немного смородиновой подливки.

Они обменялись телефонами, и через три дня, в воскресенье, Пьер пригласил Сашу прогуляться по парку. Она с радостью приняла его предложение. Стояла золотая осень. Светило солнце, дул легкий приятный ветерок. Он ерошил длинные черные кудри Сашеньки. На экране она всегда показывалась с гладко зачесанными волосами. Пьер и не думал, что они у нее выются. Ему очень нравились кудри. И он не понимал, почему некоторые женщины их выпрямляют.

Пьер собрал яркий букет из опавших листьев и преподнес их Саше.

– Как красиво, спасибо! – воскликнула она, утопив лицо в листьях. Очень шли ей эти цвета: желтый, оранжевый, багряный! К ее смуглой коже, черным волосам, шоколадным глазам. Пьер в этот момент жалел о том, что не обладает художественным даром. Иначе обязательно написал бы «осенний» Сашин портрет по памяти.

– У меня с собой кофе и пончики, – сказал он, хлопнув по своей заплечной сумке. – Давайте перекусим?

– С удовольствием.

Они нашли свободную лавочку. Пьер достал из сумки термос и пакет с уже подостывшими, но все еще теплыми пончиками (он завернул их в фольгу). Разлив кофе по стаканчи-

кам, протянул один Саше, второй поставил рядом с собой на лавку. В салфетку завернул пончик и подал его девушке.

– С утра напек, – сообщил он. – Специально для вас с легким фруктовым кремом, так что не думайте отказываться.

– Я и не собиралась, – улыбнулась она. – Вы как знали, что пончики – моя слабость. С детства их обожаю.

Конечно, он знал, вот и напек их. Прочел в одном интервью о кулинарных и прочих пристрастиях Сашеньки. Жаль, она редко давала интервью, и не обо всех ее «слабостях» ему стало известно. Например, какие мужчины ей нравятся? Об этом Александра Гейнц не распространялась.

– Вкуснятина, – выдохнула Саша, куснув пончик.

– Рад, что вам нравится.

– Мне все очень нравится. Не только пончики. Вы подарили мне чудесный день. Я давно вот так просто не гуляла. Спасибо вам, Пьер.

– Не за что, – смущенно проговорил он. – А хотите, в следующий выходной опять погуляем? Только у реки. У меня есть любимое место за городом. Я покажу его вам...

– Не знаю, смогу ли. Да и вам наверняка есть чем заняться в выходной. – Она сделала глоток кофе. Он был такой, какой она любила: с корицей и малым количеством сахара. – Вы женаты, Пьер?

– Нет.

– Почему?

– Я еще молод... для этого. Как-то не думал пока... – Не

мог же он сказать, что на ней, согласись она, он готов жениться хоть завтра... хоть сегодня!

– А сколько вам?

– Двадцать девять, – ответил он. На тот момент ему было именно столько.

– Я думала, вы старше. Но и двадцать девять уже достаточно зрелый возраст...

– Наверное, но я же француз. У нас женятся позже, чем в России.

– Да и у нас сейчас не стремятся выскочить замуж и жениться в двадцать с небольшим, как наши папы, мамы.

– А вы? Во сколько хотели бы?

– Я уже, – улыбнулась она.

Пьер внутренне содрогнулся, услышав последнюю фразу. Да так сильно, будто в его теле вулкан проснулся и начал извергаться...

Сашенька замужем?!

– Вы?... – У него язык не поворачивался произнести это слово.

– Замужем, да. Неофициально, правда. То есть без штампа. Но у нас была красивая свадьба. На берегу океана.

– Вы никогда не упоминали об этом в интервью...

– А вы читали мои интервью? Надо же. Я не раскрываю подробностей своей личной жизни. Не хочу пускать в нее никого постороннего. Пожалуй, вы первый из малознакомых мне людей, кому я рассказываю о своем браке. Не знаю по-

чему, но я испытываю к вам большое доверие...

– И давно вы вместе?

– Два года.

– Странно, что журналисты до сих пор не пронюхали.

– Ничего странного. Мы живем отдельно. Не просто в разных квартирах, но в разных географических точках.

– Как так?

– Очень просто. Я в Москве, он на Тенерифе. Видимся несколько раз в году. В общей сложности проводим вместе месяца полтора-два. Хорошо, что есть скайп. Он выручает.

– Почему вы не воссоединитесь?

– Я не могу уехать туда насовсем.

– Из-за карьеры, понимаю. А он?

– А он ненавидит Москву. И не хочет тут жить.

– Даже с вами?

– Даже со мной, – грустно подтвердила Саша. – Он предлагал мне все бросить и переехать на Канары. Денег бы нам хватило, он хорошо зарабатывает. Но я не согласилась на это.

– Правильно. Ваша жизнь – тут.

– А его там. Я не готова все бросить и уехать. Он тоже.

Почему он должен идти на уступки, а не я?

«Я бы ради тебя пошел, – ответил он ей мысленно. – Потому что люблю. И место, где есть ты, не будет мне ненавистно. Позови меня сейчас в Чанг какой-нибудь, я с тобой поеду. И стану жарить саранчу для аборигенов, но окажусь рядом с тобой и этим буду счастлив...»

– Еще раз, Пьер, спасибо за этот день, но мне пора, – сказала Саша, которая погрузилась после разговора о муже.

– Я провожу вас.

Они дошли до ее машины. Морель помог Саше забраться в салон. Помахал ей рукой, бодро улыбаясь. А когда авто исчезло из виду, поник и поплелся к своему джипу.

С того дня прошло больше пяти лет. И ничего не изменилось. Саша по-прежнему была замужем, а он не женат. Она любила своего мужа. А Пьер ее. Она ничего не хотела менять в их отношениях. Он желал поменять ВСЕ!

* * *

Пьер вернулся на кухню, но вскоре покинул ее. Проверив, все ли идет, как надо, он взял в кармане пиджака сигарету, зажигалку и вышел на улицу, чтобы покурить. В их заведении имелась комнатка для этого, но работники не пользовались ею. Дымили на заднем дворе ресторана.

Проживая в Лионе, Пьер не курил. Хотя французы заядлые курильщики. Но его не тянуло к сигаретам. Он попробовал, конечно, как и все в подростковом возрасте, но ему не понравилось. А в России как-то вдруг ощутил желание затянуться. Раз, другой, третий. Наполнить легкие дымом, а затем выпустить его кольцами и проследить, как они тают в воздухе. Откуда это взялось? Пьер не знал. Но пошел в ларек, купил пачку «Мальборо-лайт» и, присев на лавку, заку-

рил. Сначала было не очень приятно. Дым не ласкал, как хотелось, а раздирал легкие. И вместе колец изо рта выпускались какие-то комки. Но Пьер за неделю пачку выкурил. Купил еще. Так и втянулся. Теперь ругал себя за тот свой бзик. Потому что бросить курить оказалось гораздо сложнее, чем начать.

Пьер сунул сигарету в рот, чиркнул зажигалкой и с наслаждением затянулся. Он терпел с обеда, дав себе зарок выкуривать не больше пяти сигарет за день.

– Извините... – услышал он за спиной и обернулся. – Вы не подскажете, как я могу найти Пьера Мореля?

– Зачем он вам?

– Нужен, – пожал плечами незнакомец. Это был брюнет ростом чуть выше среднего роста – сто семьдесят шесть – семьдесят восемь, не больше. Симпатичное лицо с крупным носом и большими, немного печальными глазами. Фигура худощава, но пропорциональна, на ней прекрасно сидят джинсы, футболка и кофта грубой вязки, застегивающаяся на крупные деревянные пуговицы. Одежда Пьеру понравилась, добротная, в европейском стиле, а брюнет не очень – показался ему подозрительным.

Пьер сделал еще две глубокие затяжки, затушил сигарету о борт мусорного бака и швырнул «бычок» внутрь. После этого развернулся, чтобы уйти, закрыв перед длинным носом брюнета дверь служебного входа.

– Я из полиции, – бросил тот, разгадав намерения Пье-

ра. – Старший уполномоченный Левон Саркисян. – Брюнет сверкнул удостоверением. – Позовите, пожалуйста, господина Мореля сюда.

– Морель это я.

На лице полицейского отразилось удивление.

– Что, не похож на француза? – хмыкнул Пьер. Его постоянно принимали то за дагестанца, то за чеченца, хотя, на его взгляд, мужчины этих национальностей внешне были разными.

– Просто говорите гладко, почти без акцента.

– Вы тоже, хоть армянин.

– Я родился в Москве и вырос.

– Я не родился, не вырос, но я тут живу... И умру здесь.

Россия – моя вторая родина.

– Очень рад тому, что моя родина стала вашей, но я хотел бы поговорить с вами о вещах менее приятных.

– Давайте. Останемся тут или пройдем в мой кабинет?

– Лучше тут. Если б я хотел поговорить с вами в ресторане, я с главного входа бы зашел.

– Почему, кстати, вы этого не сделали?

– Ради вашего же блага. Не хотел вас компрометировать... – И добавил со значением: – Раньше времени.

– Благодарю.

Пьер достал еще одну сигарету, сунул ее в рот. Спohватившись, предложил и полицейскому покурить. Но тот мотнул головой – отказался. Левон Саркисян уже не казался

Пьеру подозрительным и все равно не нравился. А почему, он не мог понять. Объективных причин этому не было. Полицейский вел себя предельно корректно, лицо имел располагающее, выглядел достойно. Пьера раздражали неряшливо одетые, неухоженные люди. Среди российских мужчин таких было множество. В кругу полицейских в том числе. И не то чтоб им не хватало времени, чтобы себя в порядок привести, или денег – постричься, побриться, постирать, погладить одежду может и ограниченный в средствах человек. Просто многие до сих пор считают, что прекрасно выглядеть – женская прерогатива. А мужик хорош, даже если лохмат, небрит и немного пьян. Пивное пузо его тоже не уродует. И пахнуть он может потом, порохом и конем. Левон к этой мужской категории не относился. Аккуратен, подтянут, с иголки одет, надушен «Армани». И все же Пьер предпочел бы иметь дело с типичным помятым, небритым, неопрятным «ментом», нежели с этим холеным полицаем.

– Вы знакомы с Валентином Петровым? – спросил Левон.

Пьер не сразу понял, о ком он. Русские имена и фамилии очень плохо запоминались.

– Дизайнер, – подсказал Левон. – Или мыловар, это зависит от того, как вы его работы воспринимаете.

– Валя! – Пьер кивнул. – Да, я знаю его. Являюсь покупателем его работ уже около двух лет. Мне они нравятся. Качество отменное и дизайн интересный.

– Когда вы последний раз видели Валентина?

– Сегодня утром.

– Где?

– Я приезжал к нему. А что случилось?

Левон будто и не слышал его вопроса.

– Во сколько?

– В десять выехал, где-то около одиннадцати был.

– Опишите вашу встречу.

– Она продлилась не дольше пяти минут. Я пришел, взял товар, отдал деньги, мы перекинулись несколькими фразами, и я ушел.

– Все?

– Да.

– Прошу вспомнить все детали.

Пьер нахмурил черные брови. Они были от природы густы, но он корректировал их, не считая это чем-то недостойным мужчины.

– А, я еще автограф дал для соседки Валентина, – вспомнил он. – На журнале. Вот о ней как раз и поболтали. Валя сказал, что она мечтает со мной познакомиться, но не смогла освободиться... И я, знаете ли, обрадовался этому. Не привыкну никак к вниманию к своей персоне. Хорошо, что оно не особенно навязчиво.

– Скажите, а когда вы явились, подъездная дверь была открыта?

– Да. Ее редко днем запирают. Я только один раз, пожалуй, столкнулся с этим.

– Вы вошли в подъезд, поднялись на последний этаж... И?

– Постучал, потому что звонок у Вали не работает.

– Хозяин через какое время открыл вам?

– Быстро.

– Чем он был занят, когда вы пришли?

– Завтракал. Открыл мне дверь с чашкой в руке.

– О чем вы разговаривали, совершив акт купли-продажи?

Кроме как о соседской девчонке, вашей поклоннице? Еще хоть одну тему затронули?

– Валя мог говорить только о своих работах. Он был фанатом своего дела.

– То есть как человека вы его совсем не знали?

– Нет! – Пьер докурил сигарету до фильтра. Мореля нервировал Левон, его вопросы, а еще больше – неизвестность. Не выдержав напряжения, он в сердцах воскликнул: – В конце концов, вы изволите сообщить мне, что случилось?

– Валентина Петрова убили сегодня. Застрелили в его собственной квартире.

Пьер широко распахнул глаза, выражая удивление.

– Валю? Убили? Боже, да кому он, этот чудак, помешать мог?

– Это нам и предстоит выяснить. Кстати, что вы делали сегодня с двух часов дня до четырех?

– Не помню...

– Придется напрячь память.

– Кажется, по магазинам ходил... Да, точно! Как раз в это

время.

– Какие покупки делали?

– У моего друга день рождения, подарок искал. Мыло я тоже для него приобрел, но этого мало, хотелось еще что-то купить...

– А какое мыло вы для него выбрали?

– Ванильного ангелочка и кошку с кофе и корицей.

– Друг женского пола?

– Совершенно верно.

– Это не Мэри Крисмас, случайно? У нее завтра день рождения.

– Кто? – недоуменно переспросил Пьер. – Мэри? Крисмас? Что за фамилия странная? Или это псевдоним? Впрочем, неважно. У моего друга день рождения в конце недели.

– Ничего подозрительного не заметили, находясь у Валентина?

– Например?

– Может, он вел себя как-то необычно? Излишне нервничал. Был напуган. Взвинчен. Зол. Или, наоборот, был крайне возбужден, радостен.

– Ничего такого я не заметил. Да вы поймите, Валя был очень чудным человеком. Я даже думал первое время, что он дурачок. То есть умственно отсталый. А он просто чокнутый. То есть повернутый на своем деле. Знаете, кого он мне напоминал? Чарли из фильма про шоколадную фабрику. Он и внешне на Джони Деппа походил. В общем, симпатичный

был мужчина. И если бы не его тараканы, девушки вокруг него вились бы роем.

Тут дверь, ведущая в кухню, приоткрылась, и в проеме показалась голова одного из поваров.

– Шеф, у нас беда! – выпалил он и посмотрел на Пьера глазами котика из «Шрека». Это означало одно – накосячили (слово Морелю нравилось невероятно, и он употреблял его с удовольствием) так сильно, что без шефа ничего нельзя исправить. Иначе скрыли бы от него – персонал Пьера побаивался.

– Что там у вас?

– Просто... катастрофа!

– Испортили трюфели?

– Хуже!

– Что может быть?..

– Разбился стакан. Вдребезги. Осколки собрали, но один, как оказалось, попал в кастрюлю с супом...

– И-и-и-и? – угрожающе протянул Пьер.

– Его выловил клиент, когда кушал, – услышал он ответ.

Да, это была точно катастрофа! Пьер сразу позабыл о полицейском.

– Не поранился?

– Нет. Но он в бешенстве.

Пьер зарычал. Этим он обычно выражал крайнюю степень возмущения.

– Менеджер уже послал ему бутылку шардоне 1987 года,

но клиент продолжает бушевать!

– Надо думать, – проворчал Пьер. Он был вспыльчивым, но быстро отходил. Негативные эмоции выплескивались из него в мгновение (с тем же рыком), потом наступал покой. А порой раскаяние, если под его горячую руку кто-то попал и тому здорово доставалось. Пьер ругал себя за несдержанность, но никогда не просил прощения. – Иди уже, я сейчас буду, – махнул он повару. Затем обратился к полицейскому: – У вас больше нет ко мне вопросов?

– Пока нет. Но вскоре мы вас вызовем повесткой.

– Значит, я могу идти?

– Да.

Пьер тут же заспешил к двери, за которой скрылся его коллега, но его остановил возглас Саркисяна:

– Вы хороший стрелок, не так ли?

– Да... – Пьер обернулся. – А откуда вы знаете? – Но тут же сам на свой вопрос ответил: – А, из журнала. Да, я отлично стреляю.

– Личное оружие имеете?

– Увы, нет. Не смог получить разрешение. Хожу в тир. Пользуюсь оружием, что выдают там. Теперь я могу идти?

– До свидания.

Пьер быстро нырнул за дверь. Настроение стало еще паршивее. Он не любил врать, а за последние десять минут он солгал дважды. Днем он не ездил по магазинам, а был занят одним крайне важным для себя делом, это раз. Два: у него

имелось оружие. Он купил на черном рынке отличнейший «глок 17», но теперь его уже нет...

Глава 4

Придя домой, Левон первым делом, конечно же, помыл руки. Потом разделся: снял с себя джинсы, свитер, облачился в спортивные штаны и футболку с надписью «Сочи-2014» – адлерские родственники подарили, когда приезжали в гости. И быстрее пошел к компьютеру, чтобы проверить почту. Иногда он даже одежду не менял, только мыл руки – и сразу же в Сеть. Но сегодня он не торопился. А все потому, что не ждал хороших новостей. Но и оттягивать момент, чтобы узнать плохие, не хотелось.

Левон включил ноутбук, плюхнулся в кресло. «Интересно, какова будет формулировка отказа? – думал он, пока грузился Виндоус. – Проблемы с чем? Работой, здоровьем, родственниками... котом, который вот уже пятнадцать лет как член семьи?..»

Человек, из-за которого Левон вместо того, чтобы после трудного рабочего дня идти на кухню и погреть себе ужин, бежал к компьютеру, появился в его жизни два месяца назад. Естественно, это была женщина. И звали ее Вита.

Левон тогда болел. Сидел дома, сотрясая стены страшным кашлем. От нечего делать торчал в Интернете. И на одном из соцсайтов увидел ее фото. На нем она ела клубнику. Рот перемазан соком, за щекой ягода, глаза сияют. Левон не мог оторваться от снимка. Столько в девушке, на нем запечат-

ленной, было задора, веселья, огня, жажды жизни. Он поставил снимку «лайк» и начал смотреть другие фото. Живые, непосредственные, зачастую смешные, не такие, как у остальных. Симпатичные девушки, а Вита, бесспорно, была симпатичной, обычно выкладывают в Сеть снимки, на которых они сногсшибательны. Позируют для них все примерно одинаково: губки надуты, спинка изогнута, ножка отставлена. Левон такие пролистывал, не рассматривая. А уж если они были сделаны самостоятельно (привет зеркалам в лифтах и примерочных), так еще чертыхался про себя. Не понимал он этой моды.

Он написал Вите. Сделал ей комплимент. Она ответила. У них завязалась переписка.

Пока Левон болел, они общались с утра до вечера. Вита жила в Тольятти. Работала дизайнером веб-сайтов. Поэтому постоянно находилась в Сети. Она нисколько не разочаровала его как собеседница. Оказалась именно такой, какой Левон ее себе и представлял: озорной, легкой, веселой. Он очень ею увлекся... И не заметил, как влюбился.

Когда Левона выписали и он вернулся на работу, общение перешло в новую фазу. Днем переписываться не получалось, только вечером. И Левон кидался к компьютеру, едва заходя домой. Вскоре они перешли в скайп. И болтали до ночи.

Прошел, наверное, месяц, когда Левон отважился пригласить Виту в гости. Она удивилась. Но обещала подумать. Чтобы девушка поскорее приняла решение, Левон пообещал

оплатить ей проезд:

– Если надумаешь, пришли мне данные своего паспорта, я закажу для тебя электронный билет, – сказал он.

И стал ждать...

А Вита все думала и думала! И вроде бы соглашалась, что надо увидеться, но никакой конкретики Левон от нее не дождался. На вопрос «когда?», она отвечала то «как-нибудь», то «скоро», то «вот как только разгребу эту чертову работу». Тогда он предложил:

– Ну, хочешь, приеду я? Ты не думай, не к тебе. Я бронирую номер в гостинице. И просто встретимся там, где тебе удобно.

– Ой, нет, – сразу запротестовала она. – Лучше я в Москву. Давно не была в столице. Да и интереснее у вас. В «Современник» ходим. Я давно мечтала. А еще в Пушкинский, обожаю Гогена.

И снова болтовня. И планы. Мечты о том, как проведут время вместе. Вот уже два месяца их знакомству, они даже умудрились отметить это шампанским. Чокнулись через монитор и выпили по бутылке. Левон, захмелев, поставил ультиматум:

– Или ты на выходные приезжаешь, или я мчусь к тебе, невзирая на твои возражения.

– Да ладно тебе! – рассмеялась Вита. Она не поверила в серьезность его намерений.

– Я тебе точно говорю, примчусь. И найду тебя...

– Как? Ты не знаешь адреса.

– Зато знаю имя, фамилию. Я найду, поверь. Не забывай о роде моей деятельности.

Она как-то сразу сникла, скомкала разговор и отключилась. Левон вдогонку отправил ей сообщение: «Пришли мне данные своего паспорта. Я закажу билет прямо сейчас. На субботу возьму отгул, в воскресенье у меня выходной. Мы пойдем в «Современник» и Пушкинский. И куда ты еще захочешь. Очень тебя жду...»

Хотел дописать «и люблю», но вовремя себя остановил. Признаваться в чувствах по Интернету так же глупо, как заниматься сексом (он знал, некоторые умудряются). Вита ничего ему не ответила. Сразу вышла из скайпа. Он продублировал сообщение на ее почту. И вот теперь желал прочесть ответное послание.

Но его не оказалось.

«Да чего же она так боится? – недоумевал Левон. – Ладно бы фотографии были не ее, и за ними пряталась какая-нибудь ведьма. Но я ведь видел ее в скайпе. Точно такая же, как на снимках...»

Он уже не знал, что думать. Она инвалид? Прикована к креслу? Но на фото она стоит на своих ногах. Может, у нее протез? Два протеза? Нигде нет ее в коротких юбках или шортах. Так ему плевать! Пусть будет с протезами. Что еще? Проблемы с психикой? Вроде не похоже. Сидит на зоне? Нет, это точно исключается. Он видел домашнюю обстановку.

Он открыл скайп. Вита была в Сети. Левон сделал звонок. Ему не ответили. Он написал: «Скажи ПРАВДУ, и я отстану!»

Через некоторое время пришло сообщение: «Прости, что затянула эту игру. Но так не хотелось ее заканчивать». Левон еще больше запутался. И опять нажал на кнопку вызова абонента. На сей раз ему ответили.

- Привет, – хмуро поздоровалась Вита.
- Здравствуй. Так что за игры? Я не понял...
- Сколько, думаешь, мне лет?
- Двадцать девять, тридцать.
- Больше.
- Тридцать три?
- Больше.
- Тридцать пять?
- Почти сорок.
- Ты отлично выглядишь.
- Знаю. Мне никто не дает мой возраст.
- Так дело в этом? Что ты меня старше?
- Цифры ни при чем. Главное, что за ними.
- В смысле?
- У меня две дочки. Старшая вот-вот родит. Я скоро буду бабушкой, Левон. Сама залетела в семнадцать. В восемнадцать родила. Институт бросила. Так что не дизайнером я работаю. Продавцом-консультантом в магазине, торгующем сотовыми телефонами. Я старая, необразованная, неустро-

енная тетка с приплодом. Я не пара тебе. Так что забудь меня.

– Зачем ты так о себе?.. Грубо?

– Я не считаю себя ущербной, пойми. Но именно так меня оценит твоя замечательная армянская мама, с которой ты меня мечтаешь познакомиться. – Она устало потерла глаза. Только сейчас Левон заметил, что они красные. Вита плакала? – Я еще раз прощения у тебя прошу. Я виновата. Каюсь. Надо было сразу всю правду рассказать. А лучше в анкете своей расписать все, как есть. Но для меня Интернет – отдушина. В нем я живу другой жизнью. В нем я молодая, беспечная, свободная, занимающаяся любимым делом женщина. В реале же я, извини за грубое слово, затраханная проблемами тетка. Не скрою, мне хотелось подарить себе праздник. Приехать к тебе, провести чудесные выходные, а потом пропасть навсегда. Но я не смогла. Это не честно по отношению к тебе. А еще... – Вита грустно улыбнулась. – Мелочь вроде, а и она послужила причиной... В общем, мне поехать не в чем. Джинсы и кофты, что я ношу, тебе, москвичу, позорными покажутся. У меня нет приличного платья, чтобы пойти в театр. Нет красивого белья, чтобы было не стыдно раздеться. Да и раздеваться, честно признаться, я перед тобой стесняюсь. У меня растяжки на груди и безобразный шрам от кесарева. Я не та девушка, которой ты увлекся. Поэтому забудь меня. Удали мои контакты. И... еще раз прости.

Картинка замерла, затем погасла. Левон закрыл програм-

му, дошел до дивана, лег на него и закрыл глаза. В животе урчало. Он не ел уже часов семь. Но сил пойти на кухню и приготовить себе что-нибудь, хотя бы чай с бутербродом, не было. Все они ушли на то, чтобы сохранить спокойствие. А так хотелось что-то разбить! Была у него такая привычка, со злости швыряться вещами. Сколько он телефонов испортил, не счесть.

Сейчас Левон был просто в бешенстве!

«Мне, черт побери, тридцать два года, – бушевал он мысленно. – Я уже взрослый дядька. Как я мог, точно пацан, втюриться по Интернету? Да еще в лгунюю. Ведь я спрашивал, была ли она замужем, есть ли дети, с кем живет. А она отвечала, что была, но недолго, бездетна, живет в данный момент с сестрой и ее дочкой, помогает им, чем может, а так у нее своя квартира...»

Левон вскочил и стал ходить по комнате из угла в угол, сцепив руки за спиной, чтоб они не тянулись к бьющимся и легко ломающимся предметам.

Именно вранье Левона бесило. Ни разница в возрасте (подумаешь, семь лет!), ни наличие двоих детей, ни уж тем более отсутствие красивого нижнего белья не отвратят от женщины, если она любима....

«Или я самому себе вру? – спрашивал он у себя. – Прикрыл свою слабость и боязнь трудностей огромной обидой. Ах, она меня обманула. Но она же не знала, что все так далеко пойдет. Вита объяснила свои мотивы, и мне они понятны.

Дурак ты сам, что влюбился в женщину, которую ни разу в реальной жизни не видел...»

Левон решительно шагнул к компьютеру, занес палец над кнопкой включения, но тут же убрал. Нет, не надо звонить! А хочется. Потому что влюбленность так быстро не проходит. Для этого нужны время и работа над собой. А пока его одолевает желание позвонить и сказать: «Приезжай! Я все равно хочу тебя видеть! А потом будь что будет!»

Левон уже один раз так делал. Но тогда ему было всего двадцать три. Влюбился без памяти в замужнюю женщину, не зная об этом. Когда выяснилось, что она несвободна, было поздно. Левон растворился в этой женщине. Жил ею, дышал... Казалось, потеряет ее, и все... Задохнется. Но и делить с другим ее не мог. И стал Левон ее добиваться. Устраивал романтические сюрпризы, дарил подарки, в сексе стал изобретательнее – доказывал, что он лучше. Избранница с восторгом все принимала, говорила, что любит, но... От мужа не уходила. Тогда Левон стал на нее давить. Требовал принять решение незамедлительно, грозился сам все сказать супругу. Девушка просила дать ей время. Она неплохо жила с мужем, и сын отца любил, разорвать брачные узы при таких условиях не так просто. А Левон с ума сходил, представляя ее в постели с другим, и продолжал настаивать на своем.

В итоге он добился своего. Любимая женщина ушла к нему. Он привез ее с сыном к себе, они зажили семьей. Замечательная мама Левона, всегда поддерживающая сына, в

этот раз, мягко говоря, не одобрила его решения. «Из множества прекрасных женщин ты выбрал ту, которая принадлежит другому! – возмущалась она. – На чужом счастье свое строить грешно!»

– Скажи прямо: тебе не нравится то, что у нее уже есть ребенок.

– Ребенок, который обожает родного отца, – поправила его мать. – И плачет каждый день, скучая по нему. Почему он должен страдать?

– То есть ты предпочитаешь, чтобы страдал я?

– Ай, перестань! У тебя будет еще сотня женщин, а у мальчика другого папы нет. Ты его не заменишь.

– Мама, прости, что напоминаю, но мой брат и твой старший сын не от моего отца. Но он любит его как родного...

– Потому что твой отец не отнимал его у настоящего родителя.

– И я не отнимаю. Они могут видаться сколько угодно...

– Ты меня не слышишь.

– А ты меня! Я люблю ее, понимаешь?

– Хорошо, если она, любовь твоя, продлится долгие годы, а не умрет сразу, как только вы столкнетесь с трудностями, которых будет очень много.

Но Левон был уверен, что они все преодолеют!

Да вот только ошибся он. С первых дней все пошло не так, как ему представлялось. Любимая маялась, не зная, правильно ли она поступила, разрушив семью. Сын устраивал

истерики, не желая играть с незнакомым дяденькой, требовал отвезти его к папе. По мнению Левона, делал он это с подачи того. Отец, желая вернуть супругу, действовал через сына. Но и сам не сидел сиднем. Приезжал с цветами к жене на работу, уговаривал вернуться, обещал не вспоминать об измене.

Через два с половиной месяца любимая оставила Левона. Сказала, что так будет лучше для всех. В том числе для него. Она вернулась к мужу, и они начали все сначала. Вернее, попытались. Но это на словах легко простить измену, а на деле крайне сложно. Супруг стал ревнив, недоверчив, подозрителен. И если жене не удавалось замять ссору, то в пылу муж забывал о своем обещании не вспоминать об измене и сыпал обвинениями. Спустя восемь месяцев они развелись.

Левон к тому времени уже отстрадал, поэтому, когда узнал обо всем от общей знакомой, не сделал попытки возобновить отношения. На то, чтобы разлюбить окончательно, потребовалось еще полгода. А вот чувство вины его до сих пор не покидает. Его горячность, упрямство, нежелание прислушиваться к голосу здравого смысла – все это послужило причиной развала чьей-то пусть и не совсем счастливой (когда все хорошо, супругам не изменяют), но вполне благополучной семьи. Тогда он и решил быть поспокойнее. Не нестись на полной скорости, как племенной рысак, подстегиваемый кнутом, сплетенным из бушующих в нем эмоций. А еще не связываться с замужними, как бы они его ни

увлекали...

А у Виты, вполне возможно, есть не только дети, но и благоверный.

Левон все же не удержался, швырнул кое-что в угол комнаты. Но это была подушка. Он немного успокоился. И отправился на кухню ужинать.

Он был коренным москвичом. Как и его мама. В двадцать четыре она поехала отдыхать с трехлетним сыном в Сочи и там познакомилась с женщиной, ставшим впоследствии ее вторым мужем и отцом Левона. Они полюбили друг друга, но свадьбу сыграли только год спустя. А все из-за того, что отец не желал переезжать в Москву, а мама в Сочи. Но мудрая женщина, пусть и не сразу, смогла убедить жениха в том, что их детям (она обещала подарить любимому ребенка) будет лучше в столице. А ради кого еще жить, если не ради них? С этим трудно было спорить. И, поупрямившись еще некоторое время, любовник согласился на переезд.

Кроме старшего брата у Левона был еще младший. Мама родила его поздно. Ей тогда исполнилось сорок три. Родители мечтали о дочке, но их семья пополнилась еще одним мальчишкой. Он жил с родителями. Старший брат уехал в Америку, там женился. У Левона имелась своя квартира, очень, к слову сказать, приличная. Подарок отца. Тот жил на два города, зарабатывал в обоих. Так что дети его ни в чем не нуждались. У Левона уже на первом курсе института была машина. Но стоило ему завалить сессию, как отец клю-

чи отобрал. Вернул спустя полгода, когда курс был успешно окончен.

После института Левона устроили по знакомству в успешную адвокатскую контору. Там он занимался несложными делами, набирался опыта. Зарабатывал много. Живи и радуйся. Ан нет, не получалось. Скучно Левону было. Не увлекала совсем его работа. О другой мечталось еще с детства. На вопрос, кем хочешь стать, когда вырастешь, он неизменно отвечал: «Милиционером. Буду бандитов ловить!» Потом выхватывал воображаемый пистолет и палил по врагам. Взрослые посмеивались. Потому что Левон был мал ростом, худ, крайне добродушен и все дни проводил не во дворе, играя с мальчишками в войну, а за фортепиано. Причем никто его не заставлял, он сам с удовольствием занимался музыкой.

В четырнадцать Левон неожиданно вытянулся. Да так стремительно, всего лишь за лето, что, когда он явился в школу первого сентября, его многие не узнали. Так как музыкальная школа к тому времени была окончена, а бездельничать Левон не привык, то записался в секцию карате. Из пианистов – в каратисты. Вот так его бросало!

Прозанимался он в секции три года, пока в институт не поступил. За это время окреп телом, еще больше вытянулся. Теперь, когда говорил всем, что хочет милиционером стать, никто не посмеивался. А вот отец хмурился. Не хотел он, чтоб сын в органах работал. Категорически! Но не давил на

него прессом своего авторитета. И уж конечно не ставил ультиматума – если устроишься в милицию, ты мне больше не сын. Просто высказывал свое мнение. А так как для Левона оно было авторитетным, то он позволил папе устроить себя в юридическую контору его приятеля. И проработал там два года. Но когда стало невыносимо, написал заявление об уходе. Это произошло через месяц после того, как его любимая вернулась к мужу.

С того дня, как она ушла, Левон только и делал, что пытался отвлечься от грустных мыслей. А еще получать удовольствие от чего-то значительного, например, от работы, а не от домашней чачи дяди Арама из Сочи, или матушкиной стряпни, или покупки новой магнитолы в машину. И Левон уволился. Без сожаления. Отцу все объяснил, и тот вроде бы понял.

С тех пор Левон работал в органах. И ни разу не пожалел о своем выборе. Да, сложно. Порой невыносимо и хочется бросить все и уйти в частную юридическую фирму, чтобы вести несложные гражданские дела, не напрягаться, зарабатывать много, а покидая офис, выбрасывать из головы все мысли о работе...

И даже если сегодня думаешь: все, так и сделаю, то завтра встаешь с пониманием того, что погорячился. Ты любишь свою работу, ты хочешь ею заниматься, хотя это и трудно, а порой невыносимо.

Зазвонил телефон. Левон пошел на звук. Сотовый он бро-

сал где придется, хотя мама на двадцать третье февраля подарила ему красивую подставку под него. Нашелся аппарат в прихожей. На его экране светилось имя «Леха».

– Слушаю, – бросил Саркисян, приняв звонок.

– Поесть успел? – спросил коллега.

– Нет.

– Плохо. Значит, голодным останешься.

– Что случилось?

– Выяснилось, кто такая Мэри Крисмас.

– Так быстро?

– Да, ларчик просто открывался... У нее в друзьях масса диджеев одной радиостанции. И она из их же когорты. Мэри Крисмас – это псевдоним. «В миру» она Мария Кирсанова. И в нее сегодня стреляли...

– Жива?

– К счастью, да. Пуля слегка задела ее. Рука прострелена, но ранение не серьезное. Сейчас Мария в больнице, допросить бы ее, пока след не остыл...

– Кроме меня, некому?

– Увы. Иначе не звонил бы. Сам я на радиостанцию еду.

– Ладно, говори адрес больницы.

Леха сказал. Отключившись, Левон вернулся в кухню, схватил пакет ванильных сушек и поспешил вон из дома.

Глава 5

В палате лежало трое. Самой старшей женщине было около сорока. Красивая, черноволосая, с формами, она даже в больнице желала выглядеть сногсшибательно, поэтому оделась не в спортивный костюм, как остальные, а в яркий шелковый халат-кимоно и нанесла легкий макияж. На ее фоне две остальные женщины выглядели бледно. Особенно та, что поплнее и помоложе. Лицо бесцветное, волосы тусклые, костюм светло-серый.

– Здравствуйте, дамы, – поприветствовал обитательниц Левон. – Кто из вас Мария Кирсанова?

Он думал, брюнетка. Пока стоял в пробке, вышел в Интернет и отыскал записи эфиров Мэри Крисмас. Голос у нее оказался фантастический. У Левона по телу даже мурашки возбуждения пробежали, когда он его услышал. На секс-бомбу тянула только брюнетка, вот он и подумал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.